

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)» (СГАУ)

И. В. Демин

Философия русского космизма в свете трансгуманизма

Электронное учебное пособие

Работа выполнена по мероприятию блока 1 «Совершенствование образовательной деятельности» Программы развития СГАУ на 2009 – 2018 годы по проекту «Разработка образовательного контента «Прагматика хай-хьюм технологий: философия искусственного интеллекта и её прикладные решения в свете эволюционного трансгуманизма»»

Соглашение № 1/30 от 03 июня 2013

САМАРА 2013

ББК Ю0/8я7

Д 306

Автор: Демин Илья
Вячеславович
Редакторская
обработка И.В Демин
Компьютерная верстка
И.В. Демин
Доверстка
И.В. Демин

Демин, И. В. Философия русского космизма в свете трансгуманизма

[Электронный ресурс] : электрон. учеб. пособие/ И. В. Демин; М-во образования и науки РФ, Самар. гос. аэрокосм. ун-т им. С. П. Королева (нац. исслед. ун-т); – Электрон. текстовые и граф. дан. (992 Кбайт). - Самара, 2013. -1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Рассмотрены ключевые идеи философии русского космизма, проведены параллели между русским космизмом (Н. Ф. Фёдоров, В. Н. Муравьев, А.К. Горский, Н. А. Сетницкий, К. Э. Циолковский и др.) и эволюционным трансгуманизмом. Философия русского космизма эксплицируется в качестве концептуального основания трансгуманистических проектов кибернетического бессмертия и антропоконструирования.

Учебное пособие предназначено для подготовки бакалавров по направлениям 080100.62 «Экономика» и 080200.62 «Менеджмент» факультета экономики и управления, изучающих дисциплину «Философия» во 2 и 3 семестрах. Разработано на кафедре философии.

Оглавление

Введение.....	4
1. Идея преодоления смерти (смертности) занимает центральное место и в философии русского космизма, и в трансгуманизме.	4
2. Преодоление природной (биологической) обусловленности человеческого существа. Идея и проект <i>антропоконструирования</i>	8
3. Активизм и проективизм. «Управляемая эволюция».	13
4. Идея интеграции.....	15
5. Преодоление разрыва между теорией и практикой.	18
6. Идея регуляции («очеловечивания») природы.....	20
Заключение.....	23
Литература.....	23
Приложение.....	25

Введение

Философия космизма является одним из идейных истоков современного трансгуманизма. В трудах Н.Ф. Фёдорова, В.Н. Муравьёва, К.Э. Циолковского, Н.А. Сетницкого и других представителей русского космизма задолго до возникновения трансгуманизма, задолго до становления современного информационного общества были сформулированы идеи, удивительно созвучные наиболее влиятельным идейным тенденциям современности.

Мы выделяем следующие ключевые идеи и принципы трансгуманистического мировоззрения, философское обоснование которых содержится в русском космизме:

1. Иммуортиализм. Идея бессмертия.
2. Преодоление природной (биологической) обусловленности человеческого существа. Идея и проект *антропоконструирования*.
3. Активизм и проективизм. «Управляемая эволюция».
4. Идея интеграции.
5. Преодоление разрыва между теорией и практикой.
6. Идея регуляции («очеловечивания») природы.

Концептуальное и мировоззренческое значение выделенных идей и принципов неодинаково. Определяющую роль играет *идея бессмертия*. «Бессмертие» в русском космизме и в трансгуманизме не есть абстрактная идея, она, де-факто, выступает в качестве *проекта преодоления смерти* (смертности) человеческого существа. В этом уникальность философии русского космизма, его принципиальное отличие от прочих философских систем и направлений. Все остальные идеи и принципы, по сути, представляют собой *разъяснение* и *конкретизацию* идеи и проекта бессмертия. Они значимы постольку, поскольку осмысляются в связи с идеей бессмертия и утрачивают свою значимость, поскольку мыслятся в отрыве от неё.

1. Идея преодоления смерти (смертности) занимает центральное место и в философии русского космизма, и в трансгуманизме.

Основоположник русского космизма, Н.Ф. Фёдоров, порывает с устоявшимся представлением, согласно которому смерть является одним из сущностных параметров человеческого существования: «Смертность есть индуктивный вывод; она значит, что мы сыны множества умерших отцов; но как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти... Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть»¹.

Основной философский аргумент против идеи бессмертия человека до сих пор заключался в следующем: «человек» и «смертный» - это синонимы; смерть (и сознание/осознание своей смертности) есть то, что делает человека человеком, конституирует специфически человеческий способ существования. Эта очевидность, впрочем, при ближайшем рассмотрении представляется не столь уж и очевидной. Почему именно смерть полагается в качестве границы, отделяющей *человеческий* способ существования от *нечеловеческого*? Случайно ли это? Необходимо ли это? Эти вопросы в философии до сих пор ещё не получили должного осмысления.

¹ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. Встп. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. - М.: «Мысль», 1982. С. 364.

В русском космизме радикально пересматривается вопрос о сущности человека, пересматривается базовая презумпция антично-христианской европейской культуры, согласно которой человек есть в одно и то же время *смертное тело* и *бессмертная душа*. В.Н. Муравьев, один из наиболее глубоких русских мыслителей XX столетия, писал в этой связи: «На самом деле в большинстве случаев, наоборот, тело бессмертно, тело воскреснет в разных формах — душа же смертна, ибо она не проделала подвига, необходимого для ее воскрешения... Нельзя верить в безусловное спасение или безусловную гибель, но надо желать воскресения и прилагать все усилия, чтобы завоевать на него право»².

Согласно Н.Ф. Фёдорову, слово «смертный» более подходит для обозначения человеческого существа в его *нынешнем* состоянии, нежели слово «человек», которое несёт в себе представление о чём-то гордом: «Еще Гоголь говорил, что заездили добродетельного человека; в настоящее же время можно сказать, что заездили вообще человека, и пора бы заменить это теперь ничего не выражающее слово другим, и именно словом смертный, вернее, сын человеческий, или сын умерших отцов, которое указывает на характернейшее свойство человека; и, кроме того, со словом человек соединяли понятие о чем-то гордом, тогда как со словом смертный такого понятия соединить нельзя, и оно напоминало бы задачу человека — достижение бессмертия. Точно так же и мир назван природою по одному лишь своему свойству — рождению; но он имеет и другое свойство — смерть, по которому его можно было бы с таким же правом назвать словом, произведенным не от рождения, а от смерти. Называя мир природою, хотели замаскировать другую сторону мира; но иначе и поступить было нельзя, пока не существовало общего дела, состоящего не в освобождении только от смерти, но в восстановлении всего угасшего, в воскрешении. Слово смертный никогда не изъездится, если будет общее дело, если человечество войдет в это дело; слово смертный делается даже бессмертным, когда человек достигнет бессмертия, оно останется бессмертным памятником того, что человек был когда-то смертным; воспоминание о том, что человек был смертным и сделался бессмертным, составит его вечную славу»³. Рождение и смерть, согласно Фёдорову, неотделимы друг от друга. Всё природное — это *рождённое* и *смертное*. Человек также является *рождённым* и *смертным*, поскольку он *природное* существо. Но смерть не является сущностной характеристикой человека. Скорее, наоборот, сущностная черта человеческого способа существования — это стремление к бессмертию, стремление преодолеть смерть.

Несмотря на то, что вопрос о смерти на протяжении тысячелетий находился в центре самых различных философских и религиозных систем, его научное изучение находится, по сути, в зачаточном состоянии. Этот факт особенно удивлял русских космистов. Но этот факт имеет под собой определённые основания. Вот что писал об этом последователь Фёдорова русский философ Н.А. Сетницкий: «Этот вопрос, о смерти, следует поставить и подойти к нему с достаточной серьезностью и непредвзятостью. Обычно он покрывается густым туманом, в существовании которого оказываются заинтересованы разные силы, и среди них одной из величайших сил оказывается наша косность и неспособность последовательно и прямолинейно думать. Действительно, поразительно, но это — факт: в ряду разнообразнейших явлений, подвергающихся самому вдумчивому и детальному изучению, смерть принадлежит к числу предметов, наименее изученных и исследованных. Факт смерти в современных условиях есть факт наименее научно исследованный, факт, перед которым (не скажем — наука, это было бы неправильно и несправедливо по отношению хотя бы к будущей науке), а ученые, деятели

² Муравьев В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. - М., 1998. С. 299.

³ Федоров Н. Ф. Сочинения. С. 434-435.

науки, останавливаются или в священном трепете, или в состоянии полной нерешительности, полного неведения с вопросом: «Что же дальше?»⁴. Главную причину того, что вопрос *о смерти* до сих пор не был поставлен как вопрос *о преодолении смерти*, о путях достижения *бессмертия*, Н.А. Сетницкий усматривает в человеческой *косности*. Человеку психологически комфортнее рассматривать смерть как «неизбежность» или даже как сущностную характеристику собственного способа существования, нежели видеть в ней результат собственного *действия* и/или собственного *бездействия*.

Н.Ф. Фёдоров и другие представители русского космизма видят в смерти (нашей собственной смерти или смерти других людей) не просто главное зло и источник всякого зла, но главное *злодеяние*⁵. Злодеяние проявляется не только в конкретных действиях, несущих или «приближающих» смерть, но и в *недеянии*, в *бездействии* перед лицом смерти. Возможно, именно с нежеланием признавать тот факт, что смерть есть не просто зло, но злодеяние, связано негласное табу на обсуждение и научное изучение вопроса о путях преодоления смерти. «Люди, - пишет основатель Стратегического общественного движения «Россия 2045» Д.И. Ицков, - в совершенстве научились убивать, но за всю историю цивилизации так и не научились сохранять жизнь. Страх перед умиранием, на которое запрограммированы наши биологические тела, словно сковал волю руководителей человечества и сформировал непреодолимое табу на публичное обсуждение и принятие решений по борьбе со смертью»⁶.

Такое положение дел, при котором не только наука, но и вся человеческая цивилизация безмолвствует и смиряется перед лицом и перед фактом смерти, неприемлемо и для русских космистов и для трансгуманистов. В смерти они усматривают источник всякого зла, но, в отличие от огромного большинства других философов, полагают, что человек не должен мириться с этим злом, но призван одолеть, победить его. И, что особенно важно, победа над смертью должна достигаться не только на путях нравственного и религиозного совершенствования личности, но и посредством *научного познания* и *технического преобразования природы*. В этом заключается главное отличие идеи бессмертия в русском космизме и в трансгуманизме от (ортодоксальных) христианских представлений о бессмертии. «Христианство, - пишет Н.Ф. Фёдоров, - верит в торжество над смертью; но вера эта мертва, а потому смерть и существует; вера же будет мертва, пока она останется выделенной от всех других сил человека, т. е. пока все силы всех людей не объединятся в общей цели воскрешения»⁷. Одной лишь *веры* в «бессмертие души» недостаточно: необходимо активное осуществление *проекта* и *идеала* бессмертия. При этом «активность» в деле (в *общем* деле) преодоления смерти не сводится только к духовной сфере, но предполагает изменение (преобразование) самого материального субстрата человеческого существования.

В отличие от целого ряда социально-философских учений, русские космисты усматривают источник всякого зла не в *общественном устройстве*, а в *смерти*, *смертности человека*. Поэтому русские космисты дистанцируются от всякого рода социальных утопий. «Те, которые хотели *смертного* сделать *счастливым*, - пишет Фёдоров, - смешивая счастье с богатством, именно не знали действительной общей причины человеческих бедствий»⁸. «Нужно прежде всего признать, что никакими

⁴ Сетницкий Н. А. О смерти и погребении // Н. Ф. Фёдоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. — СПб.: РХГА, 2008. С. 393.

⁵ «Большую или меньшую общностью дела определяется достоинство мысли; самое общее, общее для всех зло, или, точнее, злодеяние, есть смерть, а потому самое высшее дело или благо есть воскрешение» (Фёдоров Н. Ф. Сочинения. Вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. - М.: «Мысль», 1982. С. 204).

⁶ Ицков Д. Мы грубо нарушаем свои права. URL.: <http://www.2045.ru/articles/29874.html> (дата обращения: 11.01.13).

⁷ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. - С. 201.

⁸ Там же. С. 201.

общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя: зло лежит гораздо глубже, зло в самой природе, в ее бессознательности, зло в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерти»⁹. Само по себе переустройство общества на каких-либо началах не решает ключевую проблему – проблему смерти. Корень зла не в том или ином типе общественного устройства, а в «бессознательной», слепой, неподвластной человеку (а потому *смертоносной* для него) природной стихии (стихии как *вне* человека, так и *в* самом человеке).

Наиболее детально критика социального утопизма была представлена в статьях Н.А. Сетницкого «О сущности идеала» и «О конечном идеале». Согласно Н.А. Сетницкому, тот или иной идеал общественного устройства может быть лишь *частичным* (дробным) идеалом. *Целостный* же идеал *предполагает преобразование и преображение самой смертной природы человека*. Подлинный и целостный идеал всегда имеет императивную и деятельностную природу, то есть выступает в качестве конечной (высшей) цели наших действий. Такой конечной целью человеческих устремлений может быть лишь *идеал бессмертия*.

В современном трансгуманизме центральная идея русского космизма, идея активного (активно достигаемого) бессмертия приобретает конкретные черты, трансформируется в проект «кибернетического бессмертия». Проект кибернетического бессмертия предполагает перенос сознания/личности/разума человека на искусственный носитель (небиологический субстрат). Кибернетическое бессмертие при этом рассматривается как глобальная, масштабная, но всё же *принципиально решаемая, выполнимая* задача. Вот что пишет по этому поводу Д.И. Дубровский: «На чем основано убеждение, что проблема кибернетического бессмертия – реальная научная проблема? Она не противоречит принципам науки. Более того, находит в них теоретическую опору. Прежде всего – в фундаментальном принципе изофункционализма систем, открывшем, по сути, компьютерную эру. Суть его в том, что один и тот же комплекс функций может быть воспроизведен на разных по своим физическим свойствам субстратах. Отсюда следует принципиальная возможность воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небιологических субстратах, что целиком относится и к психическим функциям»¹⁰.

«Кибернетическое бессмертие» - это не очередная социальная утопия, это нечто *большее* и нечто *меньшее* в одно и то же время. Трансгуманизм не предполагает *прямого* воздействия на общественное устройство, он стремится устранить не *социальные проявления*, а самый *корень* зла.

В. Турчин и К. Джослин, авторы «Кибернетического манифеста», видят общий знаменатель большинства этических и религиозных учений именно в «воле к бессмертию». «Животное не осознает неизбежности своей смерти; человек осознает. Воля человека к бессмертию является естественным продолжением воли к жизни»¹¹. В философии русского космиста В.Н. Муравьёва этот тезис приобретает ещё более сильное звучание: воля к бессмертию – *это и есть* воля к жизни, а воля к жизни – это воля к бессмертию.

В философии Н. Фёдорова, В. Муравьёва и других представителей русского космизма идея бессмертия неразрывно связана с идеей *воскрешения* (активного воскрешения или *самовоскрешения*). Жизнь всякой системы понимается как её непрерывное самовоскрешение (самовозобновление, самообновление). Однако у всякого

⁹ Федоров Н. Ф. Сочинения. С. 407-408.

¹⁰ Дубровский Д. И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. 25 октября 2012.

¹¹ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест URL:

<http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 18.01.13).

природного существа эта способность ограничена свойствами самого биологического (органического) субстрата. Достижение *неограниченной* способности к самовоскрешению означало бы достижение бессмертия.

Здесь можно усмотреть сходство между идеей активного (само)воскрешения (которое и есть не что иное, как преодоление смерти) и фундаментальным принципом изофункционализма систем, который лежит в основании проекта кибернетического бессмертия и позволяет говорить о принципиальной *осуществимости* этого проекта. Д. И. Дубровский так поясняет суть этого принципа: «Один и тот же комплекс функций может быть воспроизведен на разных по своим физическим свойствам субстратах»¹². «Это подкрепляется принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя (одна и та же информация может быть воплощена и передана разными по своим физическим свойствам носителями, т.е. кодироваться по-разному)»¹³. Отсюда следует вывод о принципиальной возможности воспроизведения функций живой системы на небиологических субстратах.

На этот же принцип ссылаются и авторы «Кибернетического манифеста»: «Человеческое существо есть, в конечном счете, кибернетическая система — определенная форма организации материи, которая включает многоуровневую иерархию управления. То, что мы называем нашей душой или сознанием, ассоциируется с высшим уровнем в этой иерархии. Наша организация постоянно переживает частичную смену материала, в котором она выполнена. Не видно причин, по которым эта смена не могла бы идти сколь угодно далеко, включая переход к совершенно новым материалам и к принципиально неограниченному времени существования»¹⁴. В русском космизме речь идет о способности человеческого существа к неограниченному (само)возобновлению, (само)воскрешению, в кибернетике — о смене материала (субстрата) системы, о возможности не только частичной, но и полной смены субстрата реализации функций системы. Нельзя не усмотреть здесь очевидного сходства и параллелизма. Идея активного воскрешения в русском космизме и принцип изофункционализма систем в кибернетике опираются на различные онтологические модели, но содержательно фактически совпадают.

Бессмертие рассматривается в космизме и в трансгуманизме в качестве конечной цели человеческих устремлений. Бессмертие — это не предмет веры, но проект и цель, *осуществимая и осуществляемая* человеком.

2. Преодоление природной (биологической) обусловленности человеческого существа. Идея и проект антропоконструирования.

Человек смертен, поскольку субстратом его существования выступает природный *биологический организм*. Поэтому конкретный путь достижения бессмертия — это *преодоление природной (биологической) обусловленности человеческого существа*. Преодоление биологической обусловленности — это не что иное, как изменение, трансформация, преобразование самой «природы человека» (его биологического субстрата), то, что в современной философии и науке получило название «антропоконструирования».

¹² Дубровский Д. И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. 25 октября 2012.

¹³ Там же.

¹⁴ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 18.01.13).

Каким же мыслится этот новый субстрат *бессмертного человеческого* существования? Фёдоров описывает его следующим образом: «Питание этого организма есть сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани. Органами этого организма будут те орудия, посредством коих человек будет действовать на условия, от которых зависит жизнь растительная и животная, т. е. земледелие как опыт, чрез который открывается знание земной планеты, делается органом, принадлежностью этого организма. Органами его сделаются и те способы аэро- и эфиронавтические, с помощью коих он будет перемещаться и добывать себе в пространстве вселенной материалы для построения своего организма. Человек будет тогда носить в себе всю историю открытий, весь ход этого прогресса; в нем будет заключаться и физика, и химия, словом, вся космология, только не в виде мысленного образа, а в виде космического аппарата, дающего ему возможность быть действительным космополитом, т. е. быть последовательно всюду; и человек будет тогда действительно просвещенным существом»¹⁵. Фактически, речь здесь идёт о том, что техника (то есть *социальное* тело человека) должна стать в полном смысле слова *человеческим* телом. Проект антропоконструирования в русском космизме – это *проект, противостоящий тенденции* отчуждения человека от природной и социальной действительности, от мира техники и от самого себя. Мир природы и мир техники (точнее, мир преобразённой природы) перестают быть *чужими* и *чуждыми* человеку, становятся *своими*. (Бессмертный) человек обнаруживает мир преобразённой природы как *продолжение самого себя*, своих возможностей. Мир преобразённой природы перестаёт быть пространством препятствий, невозможностей и ограничений и конституируется как мир собственных человеческих возможностей.

Эта идея совершенствования (а точнее, *преобразования*) природы (телесности, биологического субстрата) человека получает у Фёдорова своё обоснование в его концепции бессмертия как *полноорганности*: «Отсутствие регуляции, недостаток способности полноорганности, или способности создавать себе всякого рода органы, т. е. совершеннейший организм, и производит вместо сосуществования личностей их последовательность или эфемерность, смертность. При сосуществовании, при полноорганности личности бессмертны, а последовательность является свободным действием личностей, переменою форм, путешествием, так сказать, при коем меняются органы, как экипажи, одежды (т. е. время не будет иметь влияния на личности, оно будет их действием, деятельностью); единство же личностей будет проявляться в согласном их действии на весь мир, в регуляции и бесконечном творчестве»¹⁶. Из приведённого фрагмента отчётливо видно, что Фёдоров не привязывает сущность или идентичность личности к её биологическому субстрату. Смертный человек (человек в его наличном состоянии) не обладает способностью к полноорганности, способностью менять, изменять и заменять органы своего «организма» (понятно, что такой «совершенный», «совершеннейший» организм не может быть *биологическим* организмом в собственном смысле слова).

Н.Ф. Фёдоров видит предназначение человека не в том, чтобы эксплуатировать или «покорять» природу (в том числе и свою собственную природу), но в том, чтобы *преобразовать* и *просветлять* её. «Человек не приобрел себе полноты органов (недостаток необходимых органов мог служить для развития мысли, для самоуглубления, но не для того, чтобы всегда оставаться при одной мысли; недостаток органов мог быть полезен только временно) даже относительно земли, и потому органический мир, который должен бы быть органами человека, превратился в особое самостоятельное царство;

¹⁵ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. С. 404-405.

¹⁶ Там же. С. 439.

органический мир — это органы, превратившиеся в особые существа, увековечиваемые в этом ненормальном состоянии рождением; это органы или способы, средства, коими существа чувствующие, сознающие смертность могли бы воссоздать из разрушенного животного вещества (а также строить непосредственно из неорганического вещества) свои организмы, скоплять запасы солнечной силы, и они-то, эти органы, превратились в особые существа, составляющие самостоятельное царство. Странное явление членов, живущих самостоятельно, даже получивших способность увековечивать свое царство, создавая себе подобных! Человек берет дань с этого царства, без коего и жить, понятно, не может, но не владеет им; человек только грабит некоторые области этого царства, а с другими борется как с равными, вместо того чтобы вносить в это Царство свет сознания»¹⁷. Как видим, не только техника, но и *природа* (в самом широком значении этого слова – всё естественное, то есть *несотворённое* человеком), согласно Фёдорову, должна перестать быть для человека внешней *необходимостью* и стать его собственной *возможностью*, полем, пространством его возможностей.

Такая перспектива неотделима от собственного, *самобытного* («вертикального») положения человека: «С вертикальным положением, с востанием человека начинается и живое, непосредственное искусство самоустроения человека как движущегося и действующего существа, не перестающего созидать себе новые органы движения, наблюдения и действия»¹⁸. Таким образом, антропоконструирование как преобразование природы человека и достижение полноорганности представляет собой вовсе не *расчеловечивание человека*¹⁹, но, скорее, *очеловечивание природы* (в том числе и природы самого человека).

Ещё более определённа на возможность и необходимость совершенствование субстрата человеческого существования (преодоление биологической обусловленности человека) указывает В.Н. Муравьев в работе «Всеобщая производительная математика»: «Мы вышли из тех периодов человеческой истории, когда можно было думать только о психическом изменении человека, о развитии в нем тех или иных идей или нравственных склонностей. Рядом с подобной необходимой задачей внутреннего совершенствования человека перед нами ставится проблема более целостного его преобразования и обновления, изменения его как естественного типа. Человек должен стать не только *homo sapiens*, но настоящим властителем природы, *homo creator*’ом. Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом превращении его в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже антропоургии. Уже сейчас мы имеем ряд прикладных наук, которые разрабатывают практический подход к этой проблеме. Прежде всего, сюда относятся медицина и гигиена, уже совершившие переворот в условиях нашего существования путем устранения некоторых болезней и значительного обезврежения других. Медицина идет дальше: в лице хирургии она видоизменяет самое человеческое тело, устраняет зараженные органы, заменяет их другими, искусственным образом дополняет изъяны организма. Вершиной подобных достижений является открытие возможности омоложения, представляющее собою весьма реальный шаг по пути научной борьбы за долговечность. Но рядом с медициной стоит экспериментальная биология, которая идет еще дальше. В различных ее опытах, носящих, правда, пока еще частичный характер, намечаются пути победы над смертью путем оживления органов, воскрешения после анабиоза и т. д. Конечная же цель биологических исканий есть творчество живой

¹⁷ Там же. С. 440.

¹⁸ Там же. С. 519.

¹⁹ В этом часто обвиняли сторонников идеи антропоконструирования. См., например: Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. - Нижн.Н.: НГУ, 2010. – 85 с.

протоплазмы, к чему уже как будто приближаются опыты над коллоидами. В туманной дали за этими успехами рисуется лабораторное творчество настоящей жизни, завершение старых опытов Парацельса в виде живых существ. Это будет настоящая и полная победа над смертью, и естественно, что тогда сама антропотехника будет иметь рядом с собою анастатику, искусство воскрешать утраченную жизнь»²⁰.

На основании высказанных в этом тексте идей В.Н. Муравьева следует рассматривать не только как идейного вдохновителя, но как непосредственного *предшественника* трансгуманистов. В этом тексте содержится прямое указание на возможность и необходимость совершенствование человека как вида. По понятным причинам, Муравьев говорил о совершенствовании средствами *генетики*, а не *кибернетики*, но это различие обусловлено состоянием науки того времени и не затрагивает саму суть выдвигаемого философом проекта.

В современном трансгуманизме перенос сознания/личности на небиологический субстрат рассматривается как *магистральный путь достижения бессмертия*. Вот как обосновывает необходимость трансформации природы человека Д.И. Ицков: «Бессмертие человека может быть реализовано в новом теле, которое не будет зависеть от условий среды обитания, новому человечеству не будут грозить ни голод, ни холод, ни перенаселение земли, ни нехватка ресурсов»²¹. Кибернетическое бессмертие и связанная с ним мультителесность (то есть «распределенное на многих носителях сознание, свободная жизнь одного сознания в нескольких бессмертных телах и управление ими»²²) – это не блажь фантастов и футурологов, а насущная *необходимость*, условие выживания и дальнейшего развития человеческой цивилизации. «В противном случае нас ждет безрадостная картина: ограниченный, примитивный человек, вокруг которого живет своей независимой и непонятной жизнью сверхсложная, самостоятельно мыслящая высокосамоорганизованная технологическая среда, наделенная сверхинтеллектом. Если на фоне усложнения технологической среды и роста ее самостоятельности и самодостаточности человек не будет эволюционировать, то рано или поздно эта среда его вытеснит»²³.

Таким образом, в русском космизме акцент переносится с изменения и «покорения» «внешней» природы на трансформацию природы *самого человека*. В этой связи следует рассмотреть одно возражение, которое в равной мере может быть адресовано и трансгуманизму и космизму – это *враждебность проекта антропоконструирования самой идее жизни, скрытое неприятие всего «естественного» и «живого»*.

«Подлинным содержанием преобразования жизни и преобразования самого статуса органической природы (и организма человека), - пишет Л.В. Фесенкова, - является отрицание всей жизни на земле, живущей по естественным законам. Так реальная, живая жизнь оказывается отрицательной ценностью»²⁴ (курсив Фесенковой – И.В.).

В этом пункте критика трансгуманизма полностью совпадает с критикой космизма. Н.Ф. Фёдорова и других представителей русского космизма неоднократно упрекали в том, что они «органическое стремятся заменить механическим», мыслят в парадигме

²⁰ Муравьев В. Всеобщая производительная математика // Русский космизм: Антология философской мысли. Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. - М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 212.

²¹ Ицков Д. Мы грубо нарушаем свои права. URL.: <http://www.2045.ru/articles/29874.html> (дата обращения: 11.01.13).

²² Ицков Д. «Неочеловечество 2045». Глобальная стратегия дальнейшей эволюции человечества в третьем тысячелетии. Декларация общественного движения «Россия 2045». URL.: <http://www.2045.ru/news/29045.html> (дата обращения: 12.01.13).

²³ Там же.

²⁴ Фесенкова Л. В. Русский религиозный космизм о ценности жизни и человека // Жизнь как ценность. – М.: ИФРАН, 2000. - С. 70.

«господства над природой» и «покорения природы» и т.д. Выдвигающие подобные упрёки часто забывают, что не всякое «вмешательство» в «естественный ход вещей» является «насилием над природой» и её эксплуатацией».

Следует разобраться, что здесь понимается под «природой» и «естественной жизнью»? Что значит «жить»? Что представляет собой форма бытия, именуемая «жизнью»? На этот вопрос в философии и науке существуют самые разные ответы. Однако всё многообразие философских и научных трактовок жизни можно свести к двум основным вариантам: 1) жизнь в *биологическом* смысле (жизнь как форма существования организма, биологическая жизнь; оборотной стороной её является *смерть*, точнее, *умирание биологического организма*); 2) жизнь в собственном, то есть философском её значении, жизнь как имманентное *самовоскрешение* и *самовозобновление*²⁵.

Если брать «жизнь» во втором, то есть в собственном её значении, то окажется, что трансгуманизм и космизм враждебны вовсе не «*живой жизни*», но жизни *умирающей*. Они враждебны не жизни, но *смерти*. Здесь следует предоставить слово самому Н.Ф. Фёдорову: «Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? Этот враг — природа. Она — сила, пока мы бессильны, пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума. Занятые постоянной враждой и взаимным истреблением, исполняя враждебную нам волю, мы не замечаем этого общего врага и даже преклоняемся пред враждебной нам силой, благосклонность которой так же для нас вредна, как и вражда. Природа нам враг временный, а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом. Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою»²⁶.

Природа (в том числе и «природа человека») есть враг, *поскольку она представляет собой пространство рождения и смерти* (лучше – рождения-смерти, поскольку рождение и смерть – это две стороны одной медали), поскольку она представляет собой *слепую смертоносную стихию*.

В современной философии неоднократно отмечалось, что развитие современных технологий (прежде всего НБИКС-технологий) ставит под вопрос традиционные критерии различения живого и неживого. Это действительно так, и трансгуманизм вносит немалый вклад в переосмысление традиционных представлений о сущности жизни²⁷.

«В свете последних исследований, - пишет Е.Н. Гнатик, - все более нивелируется и так уже пошатнувшееся благодаря биотехнологиям привычное различие между живым и неживым. Развитие конвергентных технологий грозит полностью стереть эту грань. Продолжающееся размывание границ между жизнью и нежизнью неумолимо ведет к деформации понимания жизни и отношения к ней. Ведь если нет ничего “однозначно живого”, то исчезают и основные традиционные ценности, связанные с отношением к жизни. Подвергаются модификации представления об абсолютной самоценности жизни, трепетном к ней отношении (ее “святость”, “благоговение” перед ней, отношение к ней “как к цели, а не как к средству”, запрет и осуждение убийства и т. п.)»²⁸.

Русский космизм и трансгуманизм действительно инициируют пересмотр устоявшегося представления, согласно которому живое отождествляется с *органическим*, а неживое – с *физическим* (и/или механическим). «Быть рождённым», «быть смертным»,

²⁵ Исторические и социокультурные аспекты и интерпретации жизни мы оставляем в стороне.

²⁶ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. С. 517.

²⁷ Подробнее об этом см.: Медведев Д. А. Конвергенция технологий – новая детерминанта развития общества // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. Отв. ред. Валерия Прайд, А. В. Коротаяев. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 46-84.

²⁸ Гнатик Е. Н. Трансгуманистические проекты в эпоху конвергентных технологий // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 353-354.

«развиваться», «умирать» - это конститутивные (сущностные) характеристики *органического*, а не *человеческого* способа бытия, органической (природной, биологической, естественной), а не человеческой («разумной») жизни. Субстрат человеческого существа и человеческого способа бытия до сих пор был органическим (человеческое тело – это биологический организм). Но ниоткуда не следует, что этот субстрат не может быть *иным*.

3. Активизм и проективизм. «Управляемая эволюция».

В отличие от ортодоксального христианства русский космизм исходит из того, что будущее (человека/человечества) не предопределено, оно зависит от человеческих поступков и конституируется ими: «Если верить в истинную свободу, - пишет В. Н. Муравьёв, - не может быть речи ни об оптимизме, ни о пессимизме, ибо оба эти взгляда исходят из предопределенности будущего. На самом же деле будущее условно — оно зависит от наших поступков. Мы можем спастись, но мы можем и погибнуть»²⁹.

Н.Ф. Фёдоров был убеждён, что «свободными делаются, а не рождаются». Знание может сделать человека свободным, но «оставаясь знанием только, может открыть, конечно, одно лишь рабство, а не свободу»³⁰. «Когда все изменения в мире будут определяться разумною волею, когда все условия, от коих зависит человек, сделаются его орудиями, органами, тогда он будет свободен, т. е. проект воскрешения есть и проект освобождения. Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна»³¹.

«Высшее благо», то есть бессмертие, с самого начала мыслится Н.Ф. Фёдоровым как *проект*. В связи с этим Фёдоров радикально пересматривает традиционное понимание свободы: «В настоящее время под свободой разумеется полное подчинение природе и такая же полная независимость друг от друга, от общего дела, от долга, если понимать его в надлежащем смысле, т. е. измена общему союзу, союзу на жизнь и смерть, каким он должен быть. Не видят зла в отчуждении друг от друга и видят даже благо в подчинении слепой силе, считая все это естественным и необходимым. А между тем сама природа не подтверждает, не оправдывает такого взгляда; человек — крепостной земли, праздный пассажир, паразит, захребетник ее и совершает с ней невольные рейсы вокруг солнца, которое тоже не свободно в своих движениях; но в то же время солнце изливает на землю волны силы, из коих растения делают запасы, на счет же этих запасов образуются движущиеся существа, и существа не только движущиеся, но и сознающие это движение и силиющиеся отделиться от земли; следовательно, сама природа как бы нарушает крепостное право. В человеке движение получает сознание, соединенное с понятием бесконечности; таким образом, следуя природе, задача человека есть безграничное перемещение. Существо, одаренное движением, если оно исследует отдаленные миры, то, конечно, как цели движения, пространства же между ними — как пути к ним»³². В приведённом фрагменте подлинное предназначение человека усматривается не в том, чтобы *подчиняться* слепой природе или *подчинять её* своей воле, но в том, чтобы стать *сознанием* природы, *преобразить* её своим действием.

Действие же человека, «происходящее из сознания смертности (ограниченности и временности), есть стремление к бессмертию; а так как о смертности человек узнает по

²⁹ Муравьёв В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. - М., 1998. – С. 299.

³⁰ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. С. 429

³¹ Там же. С. 429.

³² Там же. С. 429.

утратам, то и стремление к бессмертию есть стремление к воскрешению»³³. Таким образом, Фёдоров утверждает единство *сознания, проекта* (бессмертия) и *действия (акта)*. Стремление к бессмертию необходимо следует из осознания человеком собственной смертности. Следует обратить внимание, что речь идёт именно о *стремлении* к бессмертию, а не о *жажде* или *ожидании* бессмертия. В этом проявляется *активный и проективный* характер «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова.

Трансгуманизм (как и космизм) не просто *прогнозирует* дальнейшие пути эволюции человеческой цивилизации и научно-технического прогресса, но *ставит* перед человечеством глобальную сверхзадачу – с помощью достижений научно-технического процесса изменить сам *тип эволюционного развития*, сделать эволюцию *управляемой*. «Постчеловеческое» («неочеловеческое») будущее - это не только *прогноз*, но, в первую очередь, *проект*.

В. А. Лекторский, различая два способа отношения к будущему, пишет: «Когда мы пытаемся ответить на вопрос “Возможно ли постчеловеческое будущее?”, мы должны отдавать себе отчёт, что речь идёт не просто о том, что может либо наступить, либо нет, а о направлении сегодняшней человеческой деятельности, о тех проектах, которые разрабатываются и начинаются осуществляться»³⁴. Трансгуманизм не только выдвигает глобальный проект будущего человеческой цивилизации, но и предполагает мобилизацию ресурсов для реализации этого проекта. Постановка такого рода целей (преодоление биологической обусловленности, «кибернетическое бессмертие») имплицитно предполагает новое понимание *человека*, уже не вписывающееся в традиционный («метафизический») контекст.

В русском космизме была найдена подходящая метафора для обозначения нового субъекта, нового типа деятеля, способного взять на себя ответственность за эволюционное будущее человечества: «Сознание человеческого могущества, - писал В.Н. Муравьёв, - имеет хорошие стороны и дурные. Надо остановиться где-то между Прометеем и Люцифером. Вернее, надо создать новый тип деятеля, непредусмотренного даже глубокомысленными образами мифологии: это Титан, покоряющий мир, но осуществляющий в нем не свои прихоти, но устанавливающий закон добра и разума»³⁵. *Активизм* и *титанизм* – это черты, которые, несомненно, сближают трансгуманизм и космизм.

Пожалуй, наиболее ярко это новое понимание человека, его соотношения с «природой» и его места в мире проявилось в концепции «овладения временем» В.Н. Муравьёва.

Вслед за Н. Ф. Фёдоровым В.Н. Муравьёв видит в природе *смертоносную силу*. Время природного бытия, внешнее, принудительное, необратимое время, - это и есть то время, которым нужно *овладеть*. Что, однако, понимается под «овладением» или «преодолением» времени? «Мы называем овладением временем всякое вообще сознательное и целесообразно произведённое изменение в природе, поскольку оно создаёт или воссоздаёт реальность, согласно имеющемуся образцу»³⁶. Примеры такого овладения временем и возобновления его мы имеем в каждом свободном и сознательном человеческом действии. Однако, в силу ограниченности всякой действующей системы, в силу ограниченности масштаба её действия, овладение временем всякий раз бывает лишь

³³ Там же. С. 510.

³⁴ Лекторский В. А. Возможно ли пост-человеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 31.

³⁵ Муравьёв В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. - М., 1998. – С. 294.

³⁶ Муравьёв В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда. - М.: Издание автора, 1924. - С. 18.

частичным. Покорённое (обратимое) время есть *внутреннее* время системы. Это время, которым можно распоряжаться и управлять. Такое время есть *время жизни*, в отличие от внешнего принудительного времени, которое есть *время умирания*. Внутреннее время – это время подвластное системе. Внешнее время - это время принудительное для системы. «Мы имеем, для каждого члена системы, внутреннее или подвластное ему и внешнее или принудительное время»³⁷. Так, например, процесс смены времён года неподвластен человеку и является *внешним* и *принудительным* по отношению к нему *потому*, что система, именуемая «человечеством», (ещё) не способна управлять движением планет и Солнца.

Различие между внутренним и внешним временем, как и различие между действием и страданием (*претерпеванием воздействий*), не является абсолютным. Соотношение между внутренним и внешним временем определяется, в конечном счёте, *масштабом* действия системы. «Овладение временем», по сути, есть не что иное, как преодоление самого *различия* между внешним и внутренним временем, а точнее, *трансформация* внешнего времени во внутреннее.

Пожалуй, ни в одном пункте сходство двух проектов (космизма и трансгуманизма) не проявляется так отчётливо, как в трактовке *эволюции* и роли человеческого разума в эволюции. В современном трансгуманизме понятие «эволюция» используется в самом широком значении: под «эволюцией», по сути, понимается всякое изменение системы. При этом фундаментальное значение приобретает различие *естественной* (неуправляемой, неконтролируемой, стихийной) и *управляемой* (или *направляемой*) эволюции. Идея управления эволюционными процессами в современном трансгуманизме играет примерно ту же самую роль, какую идея «управления временем» играет в концепции В. Н. Муравьёва. По сути, «управление эволюцией» и «овладение временем» - это два термина, обозначающие одно и то же.

«В эру разума, - пишут авторы «Кибернетического манифеста», - когда ведущей ветвью эволюции является эволюция человеческого общества, источником эволюции становится человеческий мозг. Он не объект, а субъект экспериментирования, его потеря при умирании есть эволюционная нелепость. Личность должна быть бессмертной, как бессмертны гены. Бессмертие человеческой личности стоит на повестке дня Космической Эволюции»³⁸. «Управляемая эволюция» предполагает изменение (улучшение) параметров человека как естественного вида, приведение человеческого существа в соответствие с новым – социальным и технологическим - контекстом. Достижение кибернетического бессмертия в этой связи следует рассматривать как важный (может быть, даже важнейший), но, всё же, не единственный пункт программы «управляемой эволюции».

4. Идея интеграции.

И в русском космизме, и в современном трансгуманизме преодоление смерти мыслится не просто как *один из* человеческих проектов *наряду с другими*, но как, по сути, единый и/или единственный проект, *сверхпроект*. Осуществление этого сверхпроекта требует интеграции, объединения действий и усилий *многих* (а в философии космизма – *всех*).

Интеграция, объединение всех разумных существ в деле достижения бессмертия, в деле овладения стихийными процессами природы, - одна из центральных идей

³⁷ Там же. С. 32.

³⁸ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 18.01.13).

«Философии общего дела». «Разум человеческий, - пишет Н.Ф. Фёдоров, - раскрывается вместе с сознанием своей зависимости от силы, без обладания которой человек существовать не может, без овладения которой он должен был признать себя существом смертным и нести постоянные утраты. По мере истощения человеком средств для ограниченного существования и соответственно увеличения населения земли этот враг, тайный и явный, все более обнаруживается, и человеку приходится бороться усиленно и даже непрерывно с этою враждоносною и смертоносною силою. Но борьба с нею не под силу отдельным лицам; она должна расшириться и сорганизоваться в борьбу общественную, государственную и международную, то есть всенародную. Здесь единственный истинный и плодотворный коллективизм, единственная естественная, целесообразная солидарность. И здесь же, на этом поприще всем необходимой, единственной спасительной самозащиты и взаимозащиты, здесь и возможность замены братоубийственной вражды братским и сыновним единением»³⁹. Именно в объединении ради *общего дела* Фёдоров усматривает основания для подлинного коллективизма. Впрочем, идея интеграции, необходимость интеграции у Фёдорова скорее *декларируется*, нежели *обосновывается*.

Вопрос о сущности, предпосылках (теоретических, технологических, социальных), возможности и необходимости интеграции для реализации сверхпроекта бессмертия является, пожалуй, наименее проработанным и в русском космизме, и в трансгуманизме. В русском космизме этот вопрос специально рассматривался лишь В.Н. Муравьевым в трактате «Овладение временем», а среди современных сторонников идеи «кибернетического бессмертия» - В. Турчиным и К. Джослиным.

Вопрос об интеграции в философии В.Н. Муравьева – это вопрос о *соотношении сознания и действия*. С одной стороны, сознание определяется как *фактор обособления и автономии* действующей системы. Но, с другой стороны, сознание характеризуется как «специфическая способность ... объединять множество различных элементов»⁴⁰. В этом смысле сознание есть *фактор интеграции*. Сознание приводит множественность к единству, сознание есть «собирательный орган». Как согласовать эти, на первый взгляд, взаимоисключающие утверждения? На самом деле, никакого противоречия здесь нет. Говоря о сознании как факторе обособления и автономии, Муравьев имеет в виду сознание как начало, *противостоящее* потоку мировой причинности, слепой силе внешнего принудительного времени. Сознание в этом смысле есть начало, преодолевающее и покоряющее этот поток, *направляющее его в нужное русло*. Чем более автономным и индивидуализированным является сознательное действие, тем в большей степени оно преодолевает время. Это и понятно, ведь автономия – это автономия от мирового целого, способом бытия которого является внешнее объективное время, а индивидуализация – это, опять-таки, *индивидуализация мирового целого*, так как всякая вещь есть всегда и все другие вещи.

Сознание (сознательность), однако, выступает всякий раз и как фактор *интеграции*. Чем более сознательной является действующая система, тем в большей степени интегрирована она с другими действующими системами, преодолевающими время. Отсюда следует принципиальный вывод: «Самый глубокий смысл индивидуализации обнаруживается, как восхождение через максимальное обособление к максимальному единению всех вещей. Максимум индивидуации есть, вместе с тем, максимум объединения»⁴¹. Этот вывод, по сути, представляет собой общую идею философии

³⁹ Федоров Н. Ф. Сочинения. С. 521.

⁴⁰ Муравьев В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда. - М.: Издание автора, 1924. - С. 31.

⁴¹ Там же. С. 32.

всеединства: максимум индивидуализации и автономии есть в то же самое время и максимум общности, максимум универсализации.

Авторы «Кибернетического Манифеста» описывают интеграцию в других терминах, но содержательно здесь можно усмотреть много общего с трактовкой интеграции у В.Н. Муравьёва.

Необходимость интеграции в «Кибернетическом Манифесте» объясняется тем, что без интеграции человечество не может претендовать на какую-либо серьезную роль в Космосе: «Играть роль в Космосе могут лишь существа, продолжительность жизни которых исчисляется Космическими же временами»⁴². Теоретической предпосылкой интеграции выступает понимание человеческого общества как единого «организма» или единой системы. «Тело этого организма есть совокупность всех людей и ими сделанных вещей. Его “физиология” — это культура общества и, прежде всего, язык»⁴³.

В обоих проектах подчёркивается, что интеграция человечества для реализации сверхпроекта преодоления смерти может быть только *добровольной* — только в этом случае она будет *эффективной*. Вот что пишет В. Муравьёв по этому поводу: «Там, где сознательные существа вынуждены воздействовать на несознательные, мощь всегда ограничена тем, что объект действия неспособен превратиться в его субъект»⁴⁴.

Русский космизм и трансгуманизм едины в понимании того, что интеграция человечества в деле реализации проекта преодоления смерти не должна вести к *унификации* и *обезличиванию*: «Кибернетическая интеграция должна сохранить творческое ядро человеческой личности, ибо оно является двигателем эволюции»⁴⁵. Проективная деятельность немислима без творческой личности. Важно отметить, что «творческая личность», будучи двигателем (источником?) управляемой эволюции, всё же не рассматривается как самоцель и самоценность. Она значима постольку, поскольку является субъектом Эволюции (или субъектом «Общего дела» в философии Н.Ф. Фёдорова). Сказанное, впрочем, не означает, что она есть всего лишь «орудие» или «средство» Эволюции / «Общего дела». Оппозиция «цели и средства» здесь не работает.

Авторы «Кибернетического манифеста» усматривают фундаментальную проблему эволюции человеческого общества в соотношении между *социальной интеграцией* и *личной свободой*. Интеграция эволюционно необходима: «Если человечество поставит себе цели, не совместимые с интеграцией, результатом будет эволюционный тупик»⁴⁶. Но в то же время, «драгоценной сущностью человека является свобода. Творческая свобода личности — это двигатель эволюции в эпоху разума. Если она будет подавлена интеграцией, как в тоталитарных режимах, мы тоже окажемся в эволюционном тупике»⁴⁷. Эта проблема (соотношения интеграции и личной свободы) имеет множество разных аспектов. Но в наиболее общем плане решение этой проблемы было предложено в философии всеединства, одной из версий которой является «философия действия»⁴⁸ В. Муравьёва: максимум *интеграции* и *универсализации* есть в то же самое время и максимум *индивидуализации*.

Интеграция в деле достижения бессмертия предполагает переориентацию усилий сознательных живых существ с борьбы друг с другом на борьбу с общим врагом —

⁴² Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 18.01.13).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Муравьёв В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда. С. 35.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Это обозначение используется в работе: Мамчур Е. Н., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. - С. 118-134.

смертью. «В борьбе человека с человеком, писал русский космист С.И. Чуев, - торжествует смерть, разрушение, насилие, а в борьбе с природой достигается согласие, бессмертие, восстановление и освобождение»⁴⁹. «Борьбу с природой» не следует, конечно, понимать в устоявшемся (новоевропейском) значении как *покорение* природы, *подчинение* её (с помощью техники) человеческой воле. «Борьба с природой» - это *борьба со смертью*, поскольку природа есть пространство рождения/смерти. «Борьба с природой» – это *преображение* природы, её *просветление*.

5. Преодоление разрыва между теорией и практикой.

С активизмом и проективизмом русского космизма и трансгуманизма тесно связана установка на преодоление разрыва между теорией и практикой, мыслью и действием.

Посмотрим, как обосновывается необходимость преодоления этого разрыва в русском космизме.

Н.Ф. Фёдоров был убеждён, что «как только мысль отделяется от действия, мыслящее от действующего, последнее становится слепым»⁵⁰. Разделение, обособление мысли и действия уводит в сторону от главной цели – преодоления смерти. «Сознавая и называя себя ограниченным, конечным, временным, кратковременным, слабым, зависимым (т. е, не имеющим в самом себе причины бытия), случайным, не необходимым, человек, очевидно, думал и говорил только о смертности, определял и уяснял себе смертность; ибо эти определения и составляют самые категории мышления, в которые входит все мыслимое и вне которых нет ничего мыслимого; так что человек, если он сознательно пользуется разумом, не может забыть о смертности; он думает только о ней. И действия человека необходимо подходят под соответствующие этим категориям деления: продление жизни, расширение ее области, обеспечение от случайности и независимость — такие действия, имея в основе бессмертие, не выходят из области ограниченного, конечного благодаря лишь отделению рассудка от разума. Философия же обратила определение смертного существа в отвлеченные категории, говорящие только уму, но не действующие ни на сердце, ни на волю. Если бы человеческий род не разделился на отвлеченно мыслящих (интеллигенцию) и на слепо действующих (народ), то предметом знания для него была бы смерть и ее причины, а предметом действия — бессмертие и воскрешение»⁵¹. *Отвлечённое мышление* не может привести к бессмертию, равно как и *слепое действие*. Только соединение мысли и действия может иметь успех в деле преодоления смерти. При этом Фёдоров не сомневается, что предметом «деятельного знания» будет смерть и её причины, а предметом «знающего действия» - бессмертие.

Ту же самую мысль неоднократно высказывал и В.Н. Муравьёв. «Если не будет действия, а одна только разумность, получится очень ясное, может быть, представление должного, но на самом деле на практике останется слепое подчинение потоку необходимости и принудительного времени. Если, с другой стороны, будет одно только действие, без разумности, оно опять-таки не будет иметь особого отделяющегося от природы субъекта и сольется с слепым течением последней. Следовательно, для преодоления времени и для утверждения своего творчества живое существо должно

⁴⁹ Чуев С. И. Человек и природа // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. — СПб.: РХГА, 2008. - С. 363.

⁵⁰ Федоров Н. Ф. Сочинения. С. 172.

⁵¹ Там же. С. 509.

проявлять и разумность, и действие»⁵². Поскольку факт смерти В.Н. Муравьёв связывает со слепой неразумной природной стихией (которую он так и называет – «*смертоносная стихия*»), объективным, внешним и принудительным по отношению к человеку временем, постольку живое и стремящееся жить существо должно быть и разумным и активным (действующим, деятельным), должно овладеть слепыми силами природы, овладеть *временем*.

Особенное неприятие у представителей русского космизма вызывало отвлечённое теоретизирование, «знание ради знания», «чистый» разум, не вовлечённый в *общее дело*. Такой разум, мнимо возвышаясь над эмпирической смертоносной природной стихией, на самом деле, *подыгрывает* ей. «Разум для нас тесно связан с целостным действием, неразрывной частью которого он всегда является. Разум, оторванный от этого целостного акта, — разум отъединенный, рационалистический есть дурной и ложный разум»⁵³.

Н.Ф. Фёдоров, В.Н. Муравьёв и другие представители русского космизма стремились поставить науку на службу общему делу и измеряли ценность знания и науки мерой их вовлечённости в общее дело, тем, насколько тесно они связаны с практикой преобразования (преображения) природы и насколько эффективно они эту практику направляют.

В последние два десятилетия эти философские интуиции русского космизма получили свою конкретизацию в феномене *технонауки*. Нужно заметить, что трансгуманизм как мировоззрение неразрывно связан с феноменом технонауки, является, по сути, рефлексией оснований и перспектив *конвергенции* научного познания и технического конструирования.

В.А. Лекторский, выявляя роль науки в современной цивилизации и отмечая её трансформацию, пишет: «Сама наука, роль которой неизмеримо возрастает, меняется: в ее составе главное место начинает занимать так называемая “технонаука”, т. е. не просто изучение, бескорыстное исследование, а такого рода научное знание, которое технологически нацелено на получение практических результатов, “полезное знание” (*useful knowledge*)»⁵⁴. Возникновение и развитие технонауки вынуждает пересмотреть традиционные границы между фундаментальной наукой и прикладной наукой и даже между *наукой* и *техникой*: «До недавних пор наука фундаментальная и наука прикладная существенно различались. Сегодня граница между ними все более стирается (хотя вряд ли когда-нибудь совсем исчезнет) — это и есть то, что называют сегодня “технонаукой”»⁵⁵.

В отличие от классической науки технонаука в гораздо большей степени вовлечена в деятельность по преобразованию природы, причём не только *окружающей* человека (*нечеловекообразной*) природы, но и природы самого человека, природы *в самом человеке*, его телесности. «Сегодня, в начале XXI столетия, - пишет Б.Г. Юдин, - есть все основания говорить о качественно новом этапе развития не только науки и техники, но и их взаимодействия с обществом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки и технологии, который получил название *technoscience* — технонаука. Наиболее очевидный признак технонауки — это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий»⁵⁶.

⁵² Муравьёв В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. С. 292-293.

⁵³ Там же. С. 298.

⁵⁴ Лекторский В. А. Возможно ли пост-человеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 34.

⁵⁵ Лекторский В. А. Современные технологии и человеческие ценности // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 253.

⁵⁶ Юдин Б. Г. Перспективы человека: между прошлым и будущим // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 49.

Современные трансгуманисты связывают перспективы изменения природы человека главным образом с успехами технонауки (и, прежде всего, НБИКС-технологий). Появление феномена технонауки было гениально предсказано русскими космистами. Космисты, однако, были далеки от того, чтобы отождествлять разум с *научным разумом*. Стихийное развитие технонауки само по себе никогда не приведёт к желаемой цели. Это развитие должно направляться, корректироваться и оцениваться мировоззрением, которое на первый план выдвигает идею и проект бессмертия. В современном мире такой идеологией выступает *трансгуманизм*.

6. Идея регуляции («очеловечивания») природы.

Смерть мыслится в русском космизме как результат работы слепых природных сил. Поэтому «познать и покорить природу — это значит достигнуть бессмертия»⁵⁷.

Не вызывает сомнений, что и в русском космизме, и в современном трансгуманизме проект бессмертия опирается на религиозную идею *спасения*. При этом *спасение* мыслится как *активно достигаемое* в самом человеческом бытии, а не *даруемое* трансцендентным Богом. Здесь следует уточнить: *кто* или *что* спасается, нуждается в спасении? Ортодоксальный ответ на этот вопрос звучит так: это (бессмертная) душа человека, человек как носитель бессмертной души. Такая позиция неоднократно уличалась космистами (и не только ими) в «религиозном эгоизме». В.Н. Муравьев писал об этом: «Теперь нужно спасать не свою душу только, но весь этот погибающий и утопающий в грязи и повседневности мир»⁵⁸. В этом стремлении спасти не только «душу», но и всю природу, пожалуй, заключается наиболее характерная черта русского космизма.

Спасение *природы* означает не что иное, как её *преображение, обожение*. «Обожение» здесь – это термин не столько *религиозный*, сколько *онтологический*. «Вся природа, - пишет В. Н. Муравьев, - стремится воскреснуть и слиться с Богом, обожиться, стать Богом. В человеке она создала себе для этого усовершенствованное орудие. Человек не может быть отделен от своих предков животных и даже растений, и даже камней и газов. Но отличительная его черта заключается в том, что он не только воскресает сам, но воскрешает других и себя и тем участвует в Боге активно. Средствами, направляющими акт воскрешения, являются память, сохраняющая имена прошлого, и разум, проектирующий будущее, т.е. судящий весь процесс с точки зрения выбора наилучшего и желаемого»⁵⁹. Человек в космизме (во всяком случае, в его религиозном направлении) рассматривается как *антиэнтропийная* сила, как орудия *преображения природы*. Исходя из онтологической модели русского космизма, можно с равным основанием сказать, что преобразование природы есть её *обожение* или *очеловечивание*. Содержание у этих понятий в данном случае одно.

Ещё более отчётливо этот мотив очеловечивания природы (природы в широком значении слова, природы *вне человека*, и природы *в самом человеке*) прослеживается в философии Фёдорова. «Настоящая жизнь, что называется земная жизнь ... ограничиваемая кратким временем и тесным пространством (если человек свободен, то свободен, как птица в клетке), по мере того как условия, в которые поставлен человек, будут обращаться в орудия его воли, т. е. по мере исполнения долга, заключающегося в

⁵⁷ Чуев С. И. Человек и природа // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. — СПб.: РХГА, 2008. - С. 364.

⁵⁸ Муравьев В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. С. 290.

⁵⁹ Там же. С. 301.

управлении слепыми силами природы, настоящая земная жизнь будет расширяться до границ самой природы, ибо сама природа, сознавая в нас свою несвободу, чрез нас же обращается в мир свободных, бессмертных личностей»⁶⁰. Под «настоящей земной жизнью» Фёдоров, очевидно, понимает не что иное, как *человеческую* жизнь. Замысел Фёдорова заключается в том, чтобы границы и возможности *человеческого* существования расширились до границ самой *природы*. Это и будет означать *очеловечивание* или *преображение* природы.

В философии Фёдорова для обозначения идеи преобразования, очеловечивания природы используется термин «регуляция». Регуляция – это управление естественными (стихийными, спонтанными, природными) процессами. Регуляция природы – это *путь*, на котором достигается бессмертие. Это *способ* достижения бессмертия. «Регуляция, в смысле способности управления материальной природою, не требует бесконечного времени для своего осуществления. Возвращение праху (разрушенным телам) жизни, сознания, души есть высшая ступень, или степень способности, знания и воли, управления и самоуправления. Возвращение жизни умершим и создаст существа бессмертные, неразрушимые, ибо только тогда, когда станет не возможным только (что всегда было), но доказанным, т. е. действительным, воспроизведение из безжизненного вещества жизни, только тогда жизнь и получит высшую гарантию»⁶¹. Если не принимать буквально тезис Н. Ф. Фёдорова о «возвращении жизни умершим», то сама идея о том, что способность воспроизведения из «безжизненного» (неорганического) вещества жизни есть не что иное, как *высшая гарантия и высшее утверждение жизни*, представляется гениальной догадкой и гениальным предвосхищением трансгуманистического проекта реализации «функций» сознания/жизни на небиологическом субстрате.

Фёдоров говорит о двух типах отношения разумных существ к «неразумной» природной стихии:

1. Теоретическое, или *мнимое*, господство над природою. Такое *мнимое господство* над природой по факту является *действительным подчинением* ей: «Это значит, что в теории признают превосходство разумных существ над неразумною силою, а в действительности мирятся с зависимостью от неразумной силы и на практике не только ничем не проявляют своего превосходства над неразумною силою, а, напротив, находятся в полном у нее подчинении. Также недействительно, т. е. неправильно, отношение к природе и тех, которые ограничиваются лишь кабинетными опытами и приложением их к фабричной, заводской и т. п. деятельности, к эксплуатации и утилизации»⁶².

2. Регуляция естественного процесса (слепой силы природы). Регуляция «есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе», это «обращение рождающей и умерщвляющей силы в воссозидающую и оживляющую». «Регуляция природы — не барство (т. е. не подчинение природы капризу, произволу) и не своеволие (эксплуатация), а внесение в природу воли и разума. Человек и будет управлять природою, когда между людьми не будет розни, когда не своелюбие, а добровольие они будут вносить в мир и когда, следовательно, станут орудием Божественной воли. У человека, как существа разумного, есть один только враг — это слепая сила природы; но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепую силу природы, которая казнит за невежество»⁶³.

Как видим, Фёдоров особенно подчёркивает, что регуляция природы – это не *эксплуатация* природы, не *подчинение* природы человеческой воле и человеческому

⁶⁰ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. С. 168.

⁶¹ Там же. С. 186.

⁶² Там же. С. 482.

⁶³ Там же.

своеволию (произволу), это внесение в природу *разума, очеловечивание её*. Человек же, согласно Фёдорову, только тогда может претендовать на звание «разумного существа», когда он включён в «общее дело» регуляции природы.

Бессмертие в связи с проектом «регуляции природы» следует определить как способность управлять разрушительными силами как в самом человеке, так и вне его: «Если бы человек управлял силами, которые делят и разрушают, он был бы бессмертен»⁶⁴.

В русском космизме акцент делается на регуляции *внешних* по отношению к человеку природных стихий. В трансгуманизме же на первый план выходит трансформация природы *самого человека*, изменение природного биологического субстрата человеческого существования. Если ли здесь противоречие?

«Природа» в её наиболее распространённом и «усреднённом» значении понимается как *нечто естественное*. Не случайно, синонимом «природы» являются «естество» и «натура». «Природное» - это «естественное» и «натуральное».

Наряду с этим понятие «природа» также часто используется в значении *сущности* чего-либо, какого-либо явления.

Что означает выражение «природа человека»? Как правило, это выражение используется в значении «сущность человека», но к этому значению часто примешивается ещё и смутное понимание того, что человек в определённом смысле является «частью природы», что в нём имеется «что-то и от природы», что он, наконец, «вышел из природы» (на этот раз под «природой» понимается уже бытийный регион сущего и определённый способ бытия - *спонтанность*). В результате происходит *смешение* понятий «сущность человека» и «природа человека», возникает иллюзия, что природа «в человеке» это какая-то *иная природа*, нежели та, что существует «вне» человека. А, между тем, природа «в человеке» и природа «вне человека» - это *одна и та же природа*, ибо «природа» и есть то, что в своём бытии не нуждается в человеке, его усилити и «посредничестве», то, что существует/происходит *спонтанно, «само собой»*.

Так мы приходим к исходному пониманию выражения «природы человека». «Природа человека» - это всё то, что присутствуя в человеческом бытии, создавая возможности и/или накладывая ограничения, тем не менее, существует *без участия человека*. Природа в нас – это всё то, что мы *не контролируем*, это всё то, чем мы *не управляем* (либо в силу нежелания, либо вследствие невозможности, либо по причине нецелесообразности этого). Природа человека – это природный (биологический) *субстрат* его существования.

Сущность человека (в отличие от его *природы*) традиционно усматривается в способности к предметно-практической, преобразующей деятельности, в деятельности по изменению окружающей человека природной среды, в результате которой *природные объекты* становятся *артефактами культуры*. Но почему при этом накладывается табу на изменение, трансформацию природы человека, субстрата его существования? Ведь это одна и та же природа! Организм человека *онтологически* ничем не отличается от любого другого биологического организма. «Природа человека» и «человеческая природа» - это не одно и то же. «Природа человека» как раз и не является *человеческой* в строгом смысле слова, «природа человека» является *природной*, а не *человеческой*.

В этом смысле проект регуляции природы Н. Ф. Фёдорова и проект кибернетического бессмертия (переноса сознания/личности на небиологический, неорганический (то есть *созданный человеком*, а не *рождённый «природой»*) субстрат) не только не противоречат человеческой *сущности*, но являются её *наиболее полным выражением*. А поскольку «природа человека» (биологический субстрат человеческого существования) есть *часть* или *фрагмент* природы как таковой, одно из её проявлений,

⁶⁴ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. С. 509-510.

то проект кибернетического бессмертия следует рассматривать как частный случай, модификацию и конкретизацию проекта «регуляции природы» Н. Ф. Фёдорова. Проект регуляции природы - это проект *очеловечивания* природы (в том числе и природы самого человека).

Заключение

Космизм является, пожалуй, единственным направлением в русской философской мысли, в котором ставится задача радикального пересмотра традиционного понимания основания человеческого существования и формулируется столь глобальный по своему масштабу (и по своим возможным последствиям для человеческой цивилизации) проект - бессмертие. В современном мире есть только одно идейное течение, которое рассматривает бессмертие как *человеческий проект*, – это эволюционный трансгуманизм.

Устремлённость в будущее, готовность и намерение *творить* будущее, а не просто «плыть по течению», - вот, пожалуй, наиболее важная черта, присущая и русскому космизму, и мировоззрению трансгуманизма.

Литература

1. Гнатик Е. Н. Трансгуманистические проекты в эпоху конвергентных технологий // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 343-354.
2. Дубровский Д. И. «Природа человека» и глобальное будущее // Взгляд. 3 июля 2012.
3. Дубровский Д. И. «Человек продолжает действовать как животное» // Взгляд. 16 августа 2012.
4. Дубровский Д. И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. 25 октября 2012.
5. Ицков Д. «Неочеловечество 2045». Глобальная стратегия дальнейшей эволюции человечества в третьем тысячелетии. Декларация общественного движения «Россия 2045». URL.: <http://www.2045.ru/news/29045.html> (дата обращения: 12.01.13).
6. Ицков Д. «Эволюция 2045»: футуризм, космизм и русская экспансия. URL.: <http://www.2045.ru/articles/30693.html> (дата обращения: 05.12.12).
7. Ицков Д. Мы грубо нарушаем свои права. URL.: <http://www.2045.ru/articles/29874.html> (дата обращения: 11.01.13)
8. Ицков Д. Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045». URL.: <http://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 25.12.12).
9. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. - Нижн.Н.: НГУ, 2010. – 85 с.
10. Лекторский В. А. Возможно ли пост-человеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 29-35.
11. Лекторский В. А. Современные технологии и человеческие ценности // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 252-261.

12. Мамчур Е. Н., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 360 с.
13. Медведев Д. А. Конвергенция технологий – новая детерминанта развития общества // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. Отв. ред. Валерия Прайд, А. В. Коротаев. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. - С. 46-84.
14. Муравьев В. Всеобщая производительная математика // Русский космизм: Антология философской мысли. Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. - М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
15. Муравьев В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда. - М.: Издание автора, 1924. – 75 с.
16. Муравьев В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. - М., 1998. - 320 с.
17. Пряхин В. Ф. Русский космизм и трансгуманизм // Приволжский научный вестник. 2012. № 8. С. 44-59.
18. Сетницкий Н. А. О конечном идеале // Горский А. К., Сетницкий Н. А. Сочинения. (Сост. Е. Н. Берковской (Сетницкой), А. Г. Гачевой, вступ. ст. и прим. А. Г. Гачевой). – М.: Раритет, 1995. - С. 287-358.
19. Сетницкий Н. А. О смерти и погребении // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. — СПб.: РХГА, 2008. С. 392-396.
20. Сетницкий Н. А. Целостный идеал // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. — СПб.: РХГА, 2008. С. 659-689.
21. Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 19.10.12).
22. Федоров Н. Ф. Сочинения. Вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. - М.: «Мысль», 1982. – 711 с.
23. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. - 544 с.
24. Фесенкова Л. В. Русский религиозный космизм о ценности жизни и человека // Жизнь как ценность. – М.: ИФРАН, 2000. - С. 67-80.
25. Циолковский К. Э. Космическая философия. Сборник. - М.: ИДЛи, 2004.- 496 с.
26. Чуев С. И. Человек и природа // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. — СПб.: РХГА, 2008. - С. 361-364.
27. Юдин Б. Г. Перспективы человека: между прошлым и будущим // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. Отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. - С. 44-57.

Приложение

Фёдоров Н. Ф. Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь⁶⁵

«Начало человечества тесно связано с сознанием смертности и с проявлением этого сознания в стремлении к замене естественного, само собою рождающегося, самодеятельностью, требующей объединения существ; первый же акт самодеятельности человека есть вертикальное его положение.

Этим именно положением человек, не лишая себя органов необходимой опоры и перемещения, дал себе и органы самодеятельности. То были органы не хватания, терзания, истребления, а органы созидания; совершенство их состоит в том, чтобы ничего не разрушать, а все разрушенное воссозидать.

Воставши, приняв вертикальное положение, человек мог обозреть все, что над ним и кругом его, и вывод из этого обозрения целого и частей сделать средством жизни. Так неразрывны были теория и практика. В этом положении человек открыл небо и землю и их соотношение, а сельское хозяйство было первым приложением этого познания (соотношения небесных явлений к земным). День или длинный ряд дней открыл ему видимый мир, а ночь (или ряд ночей) возбудила в нем предположение о мире невидимом. И судя по тому, что части суток и времена года (время), так же как страны света, верх и низ (пространство) слились в представлении первобытного человека с представлением жизни и смерти, нельзя не заключить, что все эти открытия, как результат вертикального положения, и сознание смертности находились в теснейшей связи.

Невидимое и есть гадес, аид, ад; временное существо, как ограниченное, конечное, означает смертное; а человек может себя представить лишь под условиями пространства и времени, т. е. лишь смертным, каков он и есть в настоящем своем положении. С движением человек открывает пространство; посредством одного зрения пространство не могло быть открыто: зримое есть только предполагаемое. Опытом, деятельностью человек узнал ширь пространства; казавшееся близким, то, что как будто можно было схватить рукою, отодвигалось все дальше по мере движения. Опытом, неудачными попытками человек открыл дальность неба, дальность звезд, т. е. свою малость, ограниченность. ... Пространство и время, эти необходимые формы знания, обуславливаются движением и действием: пространство есть сознание пройденного, дополненное представлением по пройденному о том, что еще не пройдено. Такое представление составилось, необходимо, при движении, обусловленном сознанием смертности: потому-то непройденное и есть царство умерших (в представлении, конечно), а пройденное — область живущих. Время же есть не только движение, но и действие, делающее возможным самое движение. Формы так называемой трансцендентальной эстетики (по Канту), то есть пространство и время, не предшествуют, следовательно, опыту, а являются вместе с движением и

⁶⁵ Фёдоров Н. Ф. Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь Федоров Н. Ф. Сочинения. Встп. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. - М.: «Мысль», 1982. Первая публикация этой работы: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 2. М., 1913.

действием; но насколько пространство недоступно нашему движению, а время не есть наше действие, настолько же оба они — проекты.

Сознавая и называя себя ограниченным, конечным, временным, кратковременным, слабым, зависимым (т. е. не имеющим в самом себе причины бытия), случайным, не необходимым, человек, очевидно, думал и говорил только о смертности, определял и уяснял себе смертность; ибо эти определения и составляют самые категории мышления, в которые входит все мыслимое и вне которых нет ничего мыслимого; так что человек, если он сознательно пользуется разумом, не может забыть о смертности; он думает только о ней. И действия человека необходимо подходят под соответствующие этим категориям деления: продление жизни, расширение ее области, обеспечение от случайности и независимость — такие действия, имея в основе бессмертие, не выходят из области ограниченного, конечного благодаря лишь отделению рассудка от разума. Философия же обратила определение смертного существа в отвлеченные категории, говорящие только уму, но не действующие ни на сердце, ни на волю. Если бы человеческий род не разделился на отвлеченно мыслящих (интеллигенцию) и на слепо действующих (народ), то предметом знания для него была бы смерть и ее причины, а предметом действия — бессмертие и воскрешение. В этом разделении, т. е. в выделении города от села, и заключается извращение человеческой жизни и утрата ее смысла, извращение человеческого разума в рассудок, в хитрость, имеющую в виду одни личные, эгоистические цели. Для ученых человек есть мыслящее существо, деятельность же есть случайное его свойство; но в действительности мышление, знание, чувственное созерцание зависят от действия и движения.

Разум отвлеченно — орган единства, конкретно — план собирания и восстановления или всеобщего воскрешения. Вопросы так называемой рациональной космологии о кончине мира, о разрушимости его, явившиеся, нет сомнения, не из праздного любопытства, не могут быть решены мышлением, а разрешаются осуществлением плана регуляции и восстановлением всего разрушенного. Вопрос о неразрешимых антиномиях является только благодаря отделению теоретического разума от практического: психические паралогизмы основываются на том же разделении разума. При единстве же его вопрос, например, о простоте души терял бы свое значение, потому что, если бы человек управлял силами, которые делят и разрушают, он был бы бессмертен, хотя бы душа и не была проста, т. е. если бы она и не имела отдельного от человека существования, а могла бы, как и сам человек, подлежать разрушению.

И сами мыслители встречаются, конечно, с неудобствами, которые происходят от такого разделения разума на практический и теоретический, но они не сознают причины этих неудобств. Так, по мнению Канта, недостаток онтологического доказательства состоит в том, что в заключение оно приходит к чему-то мыслимому, а не к действительному. Но было бы справедливее признать, что этот недостаток одинаково общ всем трем доказательствам. И было бы непонятно, если бы одна мысль могла привести к чему-либо другому, кроме мысли же. Каким образом, в самом деле, могло бы случиться, что мысль о талере, как бы долго мы ни размышляли о нем, могла бы превратиться в настоящий, действительный талер? Задача не может заключаться в доказательстве бытия Божия, и то, что Кант называет идеалом, есть только проект того состояния, которого должно достигнуть человечество во всей своей совокупности, чтобы сделаться достойным ведения Бога (видения Его лицом к лицу); только это ведение и может быть доказательством.

Действие, происходящее из сознания смертности (ограниченности и временности), есть стремление к бессмертию; а так как о смертности человек узнает по утратам, то и стремление к бессмертию есть стремление к воскрешению. Сознание смертности могло вызвать только смирение. Все открытия, все, что узнал человек в новом своем положении

(вертикальном), сводится на сознание своей смертности, ибо смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека, и вместе с тем она есть сознание своей зависимости от силы, могущество которой человек чувствовал в грозах и бурях, в землетрясениях, зное, стуже ит. п., а границ ей не видел. Человек мог не признавать эту необъятную силу за слепую, но не мог и не считать ее внешнею, не своею; он чувствовал действие этой силы во всех бедствиях, удручающих его: в болезнях, лишениях, в одряхлении или старости.

Чтобы понять смертность объективно, нужно, конечно, не вносить во внешний мир ни разума, ни чувства, и тогда останется просто слепая сила или движение слепых частиц, а естественное следствие слепоты есть столкновение; следствием же столкновения будет разрушение, распадение. Но если каждую частицу одарить представлением и чувством целого, тогда столкновение исчезнет; не будет и разрушения, смерти. Вертикальное положение и есть первое выражение этого стремления взглянуть на мир как на целое. Вертикальное положение дало возможность почувствовать, понять единство и в то же время ощутить всем своим существом разъединение, разрыв, смерть. Животное по причине своего горизонтального положения ощущает только части, живет только настоящими минутами; исходным же пунктом человеческой деятельности не может быть лишь ощущение приятного или неприятного: только то существо может быть названо разумным, которое знает действительную, общую причину всех своих напастей и устранение этой причины делает целью всей своей деятельности. Вертикальное положение, расширяя круг зрения человека и по мере такого расширения увеличивая средства против столкновений, в то же время делает необходимым соединять части, и это соединение частей, ассоциация, и рождает память. Что субъективно — память, то объективно — сохранение связи, единение; что субъективно — забвение, то объективно — разрыв, смерть; что субъективно — воспоминание, то объективно — воскрешение.

Первоначальный быт человечества, по всей вероятности, отличался решительным перевесом причин к единению над поводами к раздору, разъединению, а потому и утраты чувствовались тогда сильнее. В утратах человек узнавал, что в мире для него смертоносно. При неопытности смертность была наибольшая и потому требовала наибольшей бдительности и наблюдения. О том, как первобытный человек чувствовал утраты, можно судить по погребальным обрядам, сопровождавшимся нанесением себе ран, даже самоубийствами (со-умиранием), что было, конечно, когда-нибудь не пустою формою; те же, которые не лишали себя жизни, считали себя неправыми. Это сознание неправости и есть совесть (начало нравственности). Отсюда вытекает и стремление к восстановлению. Отсюда же произошли жертвоприношения, вольные и невольные, вначале человеческие, замененные потом принесением в жертву животных.

Существа, к земле обращенные, к покрывающим ее растениям и к населяющим ее другим существам, имеют целью исключительно пожирание (размножение есть только увековечение пожирания); вертикальное же положение есть выражение отвращения к пожиранию, стремление стать выше области истребления. Ибо что такое вертикальное положение? Не есть ли оно уже восстание человека против природы, обращение взора от земли к небу? В этом восстании выразилось, с одной стороны, ощущение недостаточности природных чувств для сохранения жизни, сознание необходимости самодеятельности для поддержания существования, ибо употребление самого простейшего орудия заставляет человека уже подняться, встать. А с другой стороны, вертикальное положение было выражением непокорности природе и покорности и обращения к Тому, Кто выше ее. Здесь начало того чувства, из которого произошла идея Бога, как сказали бы философы. Или же, не делая никакого предположения, можно сказать, что существо, совершившее первый акт самодеятельности, верило, что оно исполнило заповедь, веление Существа, безусловно самодеятельного, самобытного. Относиться критически к этой вере, отрицать

ее — значит останавливать человека на пути его от животности и рожденности к самобытности и самодеятельности.

Вопрос о животном происхождении человека есть вопрос знания, любопытства, тогда как выход из животного состояния есть для человека не только нравственная, но и физическая необходимость. Какой практический смысл имеет признание родства человека с животными, если оно не обязывает человека даже щадить жизнь животных? Оно только углубляет пропасть между теорией и практикой, между умственным и нравственным состоянием человека, между словом и делом. С таким признанием положение человека становится еще фальшивее. Слово человека превращается в пустую болтовню, если, признавая в теории свое родство с животными, он не может распространить даже заповедь «не убий» на все животное царство, не говоря уже о том, что было бы странно любить тигра, как самого себя. При признании родства человека с животными словесное существо будет синонимом выражения «лгущее». В том и состоит унижение, что не закон человечности человек распространяет на животных, а себе усваивает животный закон борьбы. Но если человек не может признать себя совершенно вышедшим из животного состояния, то не все же в нем только животное, не все в нем только рожденное, произвольное.

Человек относительно животных то же, что бедняк, нищий относительно богатых, то же, что прокладывающий себе путь трудом к имеющим за собою все уже по одному рождению. Даже гений, талант заменяется упорным трудом: гениальные люди, надо полагать, не те, которые много получили от природы, т. е. от похоти плотской, а те, которые трудом выработали себе самые способности. Природа не приготовила для человека ни одежды, ни пищи, ни вооружения (ни наступательного, ни оборонительного); в животном же все это — дар рождения, всё, и покровы, и вооружение, есть плод похоти плотской, тогда как некоторая и даже значительная часть существа человеческого есть уже дело разума. Даже процесс пищеварения не весь производится в данном природой, в рожденном желудке, а переходит в исследование, в воспроизведение в лабораториях — насколько вообще искусственный опыт может воспроизводить, — и вместе с тем в приготовлении пищи положено уже начало освобождению человека от необходимости умерщвлять живое для своего существования, ибо совершенствование приготовления пищи и состоит в том, чтобы готовить ее все из более и более простейших элементов. Лишив человека естественного вооружения (которое у животных есть результат пожирания, передаваемый рождением), природа оставила его беззащитным. Поднявшись, человек стал выше животных страстей, он мог видеть борьбу, рассматривать ее и по причине своей беззащитности должен был возненавидеть ее; но вместе с тем он не мог оставить поля борьбы, не мог ни убежать, ни улететь. Хотя существо, способное признать, чувствовать в борьбе зло (смерть), и вступало в борьбу, тем не менее протест против борьбы есть факт человеческой природы (христианство, буддизм, вегетарианизм и т. п.).

Итак, существо, жизнь которого началась лишениями и которое должно было вырабатывать себе необходимое, самая деятельность которого состоит в том, чтобы все менее пользоваться готовым, — такое существо не могло не признать пользование даровым самым позорным, а творение из ничего — самым славным, почему и приписывало последнее Богу как Существу безусловно самодеятельному, а потому самобытному. Как существо, лишенное защиты, слабое, человек не мог не признать сострадание величайшей добродетелью и не поставить умиротворение своей целью. Последователи естественного, слепого прогресса очень последовательно проповедают, что не должно поддерживать слабых, больных; но они не замечают при этом, что в силу того же основания человек и вообще не имеет права на существование, ибо без искусственных поддержек — через которые он и сделался разумным существом, например без одежды, жилища, — существовать он не может; если бы истребляли

близоруких, то не было бы нужды в изобретении очков, не было бы ни телескопов, ни микроскопов.

Не душа только человека по природе христианка, как говорят спиритуалисты, а и весь человек есть подобие Христа. Историк-натуралист может описывать начало человека, как евангелист повествует о рождении Сына человеческого. Человеку не было места в среде животных; потому, вероятно, натуралистам и не удастся отыскать место человека в царстве или стаде животных. Отводить ему первое место в царстве животных — то же самое, что изображать Рождество Христа в царском дворце. Царство человека — не от мира животных. Смерть грозила ему, как Христу, при самом начале. Рождение не от похоти плотской может быть применено к самому началу человека, ибо насколько в нем имеется самодеятельного, т. е. человеческого, настолько же он не животного происхождения. Вертикальное положение есть уже не дар рождения, не произведение похоти плотской; оно есть сверхъестественное, сверхживотное, требовавшее перестройки всего существа; оно есть уже результат первоначальной самодеятельности и необходимое условие самодеятельности дальнейшей. Чем менее человек получил от природы способностей сохранять жизнь, тем более он был смертен, тем сильнее чувствовал это и тем более у него было побуждения к самодеятельности. В беззащитности человека выражалось, сказывалось его миротворческое назначение, так же точно как в его лишениях и наготе предзнаменовалась созидательная сила. Но эти предзнаменования пока не исполнились, и человек, вступив в состязание с хищниками, далеко превзошел всех зверей в хищничестве. Что же удивительного, если есть такие, которые твердо верят в родство человека с зверями, с животными! Нужно, следовательно, напомнить звероподобному человеку первоначальный образец; нужно, стало быть, сказать ему: «Се — человек!»

Нося в себе задаток мира, человек, или — лучше — смертный, не был гарантирован от падения, от забвения своей смертности и от обращения своей деятельности в разрушительную. Первая стадия истории, когда человек стал звероловом, не была, конечно, выражением его истинной природы: человек пользовался хищническими наклонностями животных, чтобы сделать их орудиями ловли, охоты или для истребления вредных животных. Во второй стадии (скотоводственной) человек пользовался другим инстинктом природы, похотью, для размножения необходимых для его существования животных; а природа нечеловеческая и состоит только из похоти рождающей и во вражде истребляющей. Но тем не менее вторая стадия, разведение животных, выше первой, т. е. их истребления; земледелие же выше обеих, хотя и оно есть еще не столько действие, сколько пользование родотворной силой растений.

Существо наименее защищенное, наиболее подверженное опасности, всеуязвимое, смертное по преимуществу и потому в высшей степени чувствительное к смерти, человек в востании, во взорах, обращенных ко всеобъемлющему небу, выразил искание средств против опасностей, которые людям грозили на земле отовсюду. За взором, обращенным к небу, и голос устремился ввысь — начало религиозной музыки. Голос оказал действие на нервы, приводящие в действие, в сокращение мускулы; ноги выпрямились, а руки, аккомпанируя голосу, поднялись вверх. За взором, за голосом — или вместе с ними, а может быть, и прежде их — мысль возвысилась, что физиологически выразилось в росте передней и верхней части головы и в перевесе ее над задней и нижней частями, т. е. в поднятии лба, чела.

Представление есть образ, оставшийся после того, как самый предмет исчез. Содержание представления, заставившего поднять чело, могло быть дано только самым поразительным явлением, исчезновением, смертью, и притом исчезновением старшего поколения, отцов, образы которых не могли не восставать в представлении, так как ими держалось единство рода, то есть союз, и в такое именно время, когда отдельное

существование, жизнь врознь была невозможна. Исчезновение отцов на земле заставило перенести их тени на небо и все небесные тела населить душами их. Это и есть то, что называется олицетворением, вернее же было бы назвать отцетворением, патрофикацией, дидотворением или оживотворением небесных тел душами отцов. Это перенесение или вознесение образов отцов на небо и возвысило мысль, или представление, выразившееся, как сказано, поднятием чела. Чело — это орган религии, человеческое небо, орган воспоминания, разума, это музей, жертвенник, алтарь предкам, тогда как задняя часть головы, затылок, есть орган половых страстей, заставляющий забывать прошедшее, это храм не муз, а сирен». С. 507-516.

Фёдоров Н. Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный?⁶⁶

«Натуралисты, причисляя человека к животным, еще не совершенно освободились от предрассудков, когда отвели ему первое место в зоологии; а между тем преимущество человека не зоологического свойства, и первенство в животном царстве для значения человека гораздо вреднее, чем только животное происхождение. В животном мире ум является в виде хитрости, кротость и доброта — в виде глупости, энергия — в виде жестокости. Смешивать ум с хитростью — значит вовсе не понимать, что она есть животное свойство, одно из средств борьбы за существование, тогда как ум есть способность знать общие причины борьбы и разъединения.

Итак, смерть, опознанная в лице отцов, обратила небо в отечество; звездное небо, этот будущий образец храма, превратилось, можно сказать, в родословную, в которой солнце заняло место отца по своему видимому превосходству над другими светилами. И если первое представление было отец, то и первое членораздельное слово должно было соответствовать этому представлению. Но оно означало не того, кто дает жизнь, а того, кому дают жизнь, принося на могилу пищу и питье.

Голос и слово послужили началом к объединению, к составлению хора. Голос — животного происхождения и окончательно развивается одновременно с половыми органами; членораздельное же слово могло и начаться и развиваться лишь у существа, сознающего смертность, ибо только словом, выражающим понятие «отец», словом, которому приписывалась сила пробуждать, призывать отцов, могло создаться и держаться общество, неразрушимое смертью, т. е. общество человеческое, род. И если сила, приписываемая этому слову, по отношению к умершим отцам была мнимой, то уверенность в таком действии слова была могучей силой, которая держала отдаленных потомков в крепком союзе. «Во имя отца» держались все сыны в общем духе. Не держится ли и теперь еврейское общество верою в Бога Авраама, Исаака и Иакова? Вера в загробную жизнь отцов, казалось, была убита еще в древнем мире, но проявилась вновь в учении о воскресении. Похороненное в наше время, учение о воскресении как действию трансцендентном воскресает как действие имманентное.

Голос хотя и животного, как сказано, происхождения, но в религиозной, погребальной песне, в похоронных плачах он уже выходит из животного состояния. Из плачей, причитаний родилось искусство; человек всем существом своим участвовал в плачах: движением рук, даже ног (такт) выражалось чувство печали. Дерево, металлы

⁶⁶ Фёдоров Н. Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н. Ф. Сочинения. Встп. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. - М.: «Мысль», 1982. С. 517-521. Первая публикация этой работы: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 2. М., 1913.

заставлял человек плакать; и из них извлекал он грустные звуки; даже ветер и тот завывал в золотой арфе. Причитания словесно рисовали образы; словесные образы переходили в живописные, и, таким образом, то, что субъективно было печалью об утратах, объективно уже являлось восстановленными образами отцов. Прежде чем человек сумел выразить свою печаль словом, он писал в воздухе руками, и первая молитва была мимическая. О чем же он молился, что говорил Богу, чей образ писал в воздухе руками? Он молился к Святому, Крепкому (могучему), Бессмертному об умерших. А что субъективно — молитва, то объективно — образ, а будет со временем и дело. Строя образы отцов, человек устраивает самого себя, становится сам человеком, сыном.

Вертикальное положение укрепилось, сделалось обычным, и человек в самом себе скульптурно изобразил фигуру востания и нашел вместе с тем в этом положении средство для защиты от гигантов животного царства, которые, надо думать, были современниками первого человека. Быть может, нужны были именно такие чудовища, как мастодонты, исполинские носороги, поставленные против беззащитного существа, чтобы скрепить человеческий союз и вызвать религиозное чувство, которое и дало человеку возможность бороться с ними. И эта борьба была священной, насколько вообще борьба может быть таковой.

Существо смертное, возносящееся очами, голосом, руками к небу, — что это такое, как не существо молящееся, *animal religiosum*, как должны бы сказать натуралисты. Эта поза, как результат переворота, с коим и появился человек, или смертный, была первым и в то же время художественным произведением человека, предметом которого был он сам и которое было уже некоторой победой над падением, вообще — над земным тяготением или давлением.

А храмы, не были ли и они изображением того же существа в той же вертикальной позе? Куполы и главы не представляют ли подобие чела, обращенного к небу? Не та же ли сила, или стремление, которая действовала в вертикальном положении, подняла и эти здания к небесам?

С вертикальным положением, с востанием человека начинается и живое, непосредственное искусство самоустроения человека как движущегося и действующего существа, не перестающего созидать себе новые органы движения, наблюдения и действия. Искусство перемещаться при помощи только нижних конечностей (первая гимнастика, орхестика и все искусственные способы перемещения), руководствуясь при этом перемещении небесными явлениями (сабеизм, астрономия и все знания в их совокупности) и употребляя верхние конечности как орудия действия или строения, и есть исходный пункт живого, непосредственного искусства (сельский хоровод, городской храм).

Таков мог быть первый сын человеческий, первый, кому открылся Бог, первый мыслитель, первый художник и вместе с тем первый храм, первое скульптурное произведение, прототип всех будущих храмов и статуй. В нем же был и первый музыкальный инструмент, под звуки которого строился сам человек-храм. Он же был и первое словесное существо, т. е. в нем была совокупность всех искусств в полной еще их нераздельности.

Мы тем более имеем право назвать человека в вертикальном положении первым храмом востания, храмом, от которого не были отделены наука и искусство и который сделался прототипом всех будущих храмов и вообще построек, что даже физиономии племен, точно особых архитектурных стилей, отразились в произведениях зодчества, что особенно поражает в архитектуре китайской.

Представление человеческое, первое мышление образовалось с принятием человеком вертикального положения; оно было сознанием его. Вертикальное положение было, можно сказать, противоположным, т. е. человек в нем противопоставил себя

природе. В вертикальном положении уже заключается Я и не-Я и то, что выше Я и не-Я. Это объясняет также, почему горизонтальные положения производят на нас впечатление покоя, смерти, в противоположность вертикальным линиям, вызывающим представление бдительности, востания, бодрствования, жизни, воскрешения. Переход из горизонтального в вертикальное положение и обратно слились в представлении и в понятии с переходом от смерти к жизни и обратно.

Задача человека была намечена: сознав себя смертным и вместе с тем к небу или вверх обращенным существом, человек этим самым определил всю свою будущность. Господь созидал человеческое существо как назначенное стать, сделаться свободным усилиями и действиями самого человека. Подобно пленению, станки для приучения к хождению доказывают, что вертикальное положение не прирождено человеку, не дано ему при создании: оно им выработано трудом, усилиями и теперь еще должно быть поддерживаемо, так что если бы следовать системе Руссо, люди, быть может, и перестали бы быть развращенными животными и стали бы ходить не на двух, а на четырех ногах, стали бы естественны до животности.

Но приобретение вертикального положения было лишь началом создания человека чрез самого него, и оно должно было поддерживаться и укрепляться всем дальнейшим ходом, к которому побуждали те же страдания и смерть. Смерть была картиною непрочности создания: человек видел подобные себе создания свободными, по-видимому, от закона падения, как бы управлявшимися какою-то высшею силою, поверженными, разрушающимися. И вот в муках сознания смертности и родилась душа человека.

Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный?

Этот враг — природа. Она — сила, пока мы бессильны, пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума. Занятые постоянной враждой и взаимным истреблением, исполняя враждебную нам волю, мы не замечаем этого общего врага и даже преклоняемся пред враждебной нам силой, благосклонность которой так же для нас вредна, как и вражда. Природа нам враг временный, а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом.

Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства, или такого состояния, достигнув которого она уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит. Природа, враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную. Задача сынов человеческих — восстановление жизни, а не одно устранение смерти. В этом — задача верного слуги, задача истинных сынов Бога отцов, Бога Троицкого, требующего от Своих сынов подобия Себе, братства или многоединства.

Теперь, когда люди смотрят друг на друга как на врагов, необходимо им узнать действительный, хотя и временный источник вражды, узнать общего врага, которого они не замечают, увлеченные взаимной неприязнью. Хотя этого врага мы встречаем и в себе и вне себя, горе и долу, над собою и под собою, везде и всюду, врага общего, единого, тем не менее мы почти не замечаем его враждебности и даже преклоняемся перед этой силой, смешивая ее даже с Богом. Не везде и не всегда одинаково обнаруживает она свою вражду; однако и благосклонность ее для нас столь же вредна, как и вражда. Притом же в настоящее время область благосклонности по мере истощения земли и увеличения народонаселения все сокращается, так что христианское и арийское человечество вступает в область открытой вражды к природе.

И тем не менее природа нам — враг лишь временный, другом же нашим она будет вечным. Разум человеческий раскрывается вместе с сознанием своей зависимости от силы,

без обладания которой человек существовать не может, без овладения которой он должен был признать себя существом смертным и нести постоянные утраты. По мере истощения человеком средств для ограниченного существования и соответственно увеличения населения земли этот враг, тайный и явный, все более обнаруживается, и человеку приходится бороться усиленно и даже непрерывно с этою враждебною и смертоносною силою. Но борьба с нею не под силу отдельным лицам; она должна расшириться и сорганизоваться в борьбу общественную, государственную и международную, то есть всенародную. Здесь единственный истинный и плодотворный коллективизм, единственная естественная, целесообразная солидарность. И здесь же, на этом поприще всем необходимой, единственной спасительной самозащиты и взаимозащиты, здесь и возможность замены братоубийственной вражды братским и сыновним единением; и здесь же, наконец, возможность и твердая надежда на исполнение общего дела и долга сынов человеческих перед их отцами и перед Богом отцов, победа жизни над смертью во всеобщем воскрешении».

Фёдоров Н. Ф. Непорочность физическая и нравственная — непременное условие бессмертия⁶⁷

«Прежде, чем говорить о воскрешении, нужно твердо установить, что воскрешение невозможно при существовании пороков, невежества и всяких бедствий, как следствий зависимости человека от слепых сил природы; точно так же как и смерть невозможна при непорочности и знании, правящем силами природы.

Не только всеобщее возвращение жизни, всеобщее воскрешение, но даже и смерть доселе не сделались предметом знания и основательного суждения, которые расследовали бы в точности и полноте, какими причинами и условиями вызвано это явление. Смерть представляется для большинства *безусловным, неизбежным* явлением; но насколько неосновательно такое заключение, видно из того, что о противоположности смерти, о бессмертии и даже о воскрешении считают позволительным говорить, да и говорят, как о чем-то возможном при одновременном существовании всевозможных пороков у людей и при наличности всевозможных бедствий и зол, из неразумия природы исходящих. Но если такое сосуществование одного с другим немыслимо, так как одно исключает другое, то можно ли говорить и о возможности смерти при беспорочности нравственной и физической, при той доброкачественности природы в человеке и вне его, каковая предполагается возможною при полноте знания и совершенстве регуляции им природы.

Верхом же бессмыслицы является представление о возможности бессмертия для некоторых, отдельных личностей при смертности, общей всему человечеству, — нелепость такая же, как вера в возможность счастья некоторых, в возможность личного счастья при общем несчастье, при общей зависимости от стольких бедствий и зол». С. 140-141.

Фёдоров Н. Ф. О смертности⁶⁸

⁶⁷ Фёдоров Н. Ф. Непорочность физическая и нравственная — непременное условие бессмертия // Федоров Н. Ф. Собрание соч. в 4 тт. Т. 2. Составление, комментарии и научная подготовка текста А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. — М.: «Прогресс»; «Традиция», 1995. Первая публикация этой работы: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 2. М., 1913.

⁶⁸ Фёдоров Н. Ф. О смертности // Федоров Н. Ф. Собрание соч. в 4 тт. Т. 2. Составление, комментарии и научная подготовка текста А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. — М.: «Прогресс»; «Традиция», 1995. Первая

«В вопросе о действительной жизни вопросы о предках, т. е. об уже умерших, так же как и вопросы об *еще* не умерших соединяются в один *вопрос о смертности*.

Сознавать свою смертность значит сознавать каждому общую причину своих частных, личных бедствий; а только тот и может быть назван разумным существом и сыном человеческим, кто знает действительную, общую со всеми другими сынами человеческими причину страданий, и кто обращение слепой, смертоносной силы в живоносную делает целью всей своей жизни и также — со всеми другими.

Делать такими разумными существами может только образование; а такое образование имеет за собою несомненное право быть всеобязательным, ибо только благодаря такому образованию человечество и сделается родом, имеющим общую задачу для всех поколений; образование это не роскошь, а необходимость. Как ни глубоки причины смертности, смертность не изначальна; она не представляет безусловной необходимости. Слепая сила, в зависимости от которой находится разумное существо, сама может быть управляема разумом.

Христианство верит в торжество над смертью; но вера эта мертва, а потому смерть и существует; вера же будет мертва, пока она останется выделенною от всех других сил человека, т. е. пока все силы всех людей не объединятся в общей цели воскрешения. Не воскрешение невозможно; невозможно неупразднение смерти: невозможно отделение бедствий, как причины, от смерти; а такую невозможную задачу и ставили себе все реформаторы до социалистов включительно. Те, которые хотели *смертного* сделать *счастливым*, смешивая счастье с богатством, именно не знали действительной общей причины человеческих бедствий. Думать о личном счастье, о счастье в отдельности — это значит думать о совершенстве неисполнимом, предаваться праздной мечте. Не думаю о личном, ограниченном счастье началось человечество даже тогда, когда оно все заключалось еще в одном человеке. Вертикальное положение было выработано для всесторонней охраны потомства и предков. Создание человека или явление его не было случайным, а было необходимостью для земли, для целого мира, как необходим разум для природы, если только этот разум не поглощен промышленностью, если он, сознавая в естествознании, что природа сама по себе идет к разрушению или к абсолютному покою, т. е. к смерти, в этом сознании находит свою задачу. Сторожевое положение не было только наблюдательным или созерцательным. В этом положении человек выработал себе органы самодеятельности и, не лишая себя органов опоры и перемещения, стал действующим, рабочим существом. Небольшое изменение в органе, который служит у животных для хватания, имело величайшие нравственные последствия. Человек при этих органах мог не довольствоваться готовым, данным, тем, что есть, а возымел мысль о *том, что должно быть*, чем должен быть и мир и он сам. Вместе с органами действия и перемещения явилось сознание *цели*». С. 141-142.

Фёдоров Н. Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение)⁶⁹

публикация этой работы: *Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова*, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 2. М., 1913.

⁶⁹ Фёдоров Н. Ф. *Супраморализм, или Всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение)* // Федоров Н. Ф. *Сочинения*. Встп. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. - М.: «Мысль», 1982. Работа написана в 1902 г. Впервые опубликована в кн.: *Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова*, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 1. Верный, 1906.

«Мир как неволя и как проект освобождения от неволи», от зависимости, или подчинения слепой силе, в противоположность шопенгауэрову «мир как воля и представление», ибо для нас в мире нет воли, и для существ, не обреченных только на созерцание, для существ, чувствующих и способных к деятельности, мир не представление только, а проект освобождения от неволи. Выражение «мир как воля и представление» по справедливости можно заменить выражением «мир как похоть», которая, рождая, умерщвляет, рождая сынов, поглощает отцов,— и не представление лишь, а проект, и притом не отрицающий только похоть (отрицание похоти — аскетизм), но обращающий силу рождающую в воссозидающую, а умерщвляющую в оживляющую, так что мир не может остаться только представлением, созерцанием, а становится проектом восстановления последующими предыдущих, т. е. проектом воскрешения. Так должно бы быть, но в настоящее время мир — таков, как он есть, — остается при похоти и представлении.

О двух отношениях разумных существ к неразумной силе:

I. О теоретическом, или мнимом, господстве над природою и действительном подчинении ей; это значит, что в теории признают превосходство разумных существ над неразумною силою, а в действительности мирятся с зависимостью от неразумной силы и на практике не только ничем не проявляют своего превосходства над неразумною силою, а, напротив, находятся в полном у нее подчинении. Также недействительно, т. е. неправильно, отношение к природе и тех, которые ограничиваются лишь кабинетными опытами и приложением их к фабричной, заводской и т. п. деятельности, к эксплуатации и утилизации.

II. Только регуляция естественного процесса, или слепой силы природы, есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе; регуляция же — это значит обращение рождающей и умерщвляющей силы в воссозидающую и оживляющую. Регуляция природы — не барство (т. е. не подчинение природы капризу, произволу) и не своеволие (эксплуатация), а внесение в природу воли и разума. Человек и будет управлять природою, когда между людьми не будет розни, когда не своелюбие, а доброволье они будут вносить в мир и когда, следовательно, станут орудием Божественной воли. У человека, как существа разумного, есть один только враг — это слепая сила природы; но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепую силою природы, которая казнит за невежество». С. 481-482.

Фёдоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства⁷⁰

...
«Настоящая жизнь, что называется земная жизнь ... ограничиваемая кратким временем и тесным пространством (если человек свободен, то свободен, как птица в клетке), по мере того как условия, в которые поставлен человек, будут обращаться в орудия его воли, т. е. по мере исполнения долга, заключающегося в управлении слепыми

⁷⁰ Фёдоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н. Ф. Сочинения. Встп. ст., прим. и сост. С. Г. Семенов. - М.: «Мысль», 1982. Первая публикация этой работы: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Ч. П. Петерсона. Т. 1. Верный, 1906.

силами природы, настоящая земная жизнь будет расширяться до границ самой природы, ибо сама природа, создавая в нас свою несвободу, чрез нас же обращается в мир свободных, бессмертных личностей. Вернее же сказать, такое превращение мира производится чрез нас Богом и именно Троициным Существом, Которое, когда совершится такое превращение мира, найдет в нем свое выражение». С. 168.

...
«Как только мысль отделяется от действия, мыслящее от действующего, последнее становится слепым, а мыслящее делается теоретическим; мрак отделяет интеллигенцию от темного сословия; темное для себя, это сословие темно и для интеллигенции; знание интеллигенции — не прямое знание, а лишь отраженное, бледный образ. Чем слепее, рутиннее становится действие, тем темнее оно для себя, тем менее выражает оно себя и для других, тем менее оно познаваемо. Обращение действующего в сознающего и мыслящего в действующего будет уподоблением нераздельности, единству. Вещь (природа) будет для нас явлением, исчезаемым, пока она будет рождаться, происходить помимо нашего сознания и воли. До тех пор мы не будем знать ни себя, ни внешнего мира, до тех пор невозможно и взаимознание, пока материя, не проникнутая светом, действием, будет стоять между нами как сила разъединяющая и нас самих превращающая в явления. Одно восстановление исчезнувшего, обращение его в сознающее и действующее есть доказательство, полное знание и прочное, бессмертное существование». С. 172.

...
«Воскрешение есть заповедь не новая, а столь же древняя, как культ предков, как погребение, которое было попыткой оживления; оно так же древне, как и сам человек. Воскрешение есть естественное требование человеческой природы, и оно исполнялось, насколько человек был сыном человеческим, и не исполнялось, поскольку в человеке оставалось животного. Долг воскрешения, долг к отцам, сыновний долг, как его можно назвать, явился в мир вместе с человеком. Для воскрешения человек восстал, принял вертикальное положение, положение сторожевое и трудовое. Востание, сделавшееся постоянным, проявляющееся в непрерывной бдительности, наблюдательности и в непрерывной работе, заменяющей даровое трудовым, выражает не положение только, но этим востанием даются уже средства, направление, смысл и цель, им открывается сознание себя сыном человеческим. С того момента, как человек обратил взоры к небу, принял вертикальное положение, вся деятельность его, как она ни извращалась, имела целью служение отцам. Это служение заключалось особенно в земледелии, которое в глазах человека было необходимо не для сохранения только жизни живых, но и для восстановления жизни умерших. Даже сделавшись гражданином, отрешившись от связей с живой природой, человек не переставал, хотя и невольно, выражать этот долг и в знании и в искусстве; даже самые пороки его, корыстолюбие, тщеславие, были лишь извращением этой добродетели, этого долга. Вся деятельность его объясняется из чувства смертности и соответствующего ему стремления к воскрешению, постоянно, впрочем, нарушаемого животным стремлением к самосохранению и наслаждению». С. 174-174.

...
«Регуляция, в смысле способности управления материальной природою, не требует бесконечного времени для своего осуществления. Возвращение праху (разрушенным телам) жизни, сознания, души есть высшая ступень, или степень способности, знания и воли, управления и самоуправления. Возвращение жизни умершим и создаст существа бессмертные, неразрушимые, ибо только тогда, когда станет не возможным только (что всегда было), но доказанным, т. е. действительным, воспроизведение из безжизненного вещества жизни, только тогда жизнь и получит

высшую гарантию, тогда начнется и эстетическая жизнь в смысле творческой и антагонизм между человеческим и Божественным окончится». С. 186.

...
«Смысла в истории человеческого рода не будет, пока история, как это очевидно, не есть наше действие, не есть произведение нашего совокупного разума и воли, пока она явление бессознательное и невольное. Но история и не может быть нашим действием, нашим произведением, пока мы живем в розни; даже и при соединении наша родовая жизнь не будет делом разума, пока человек зависит от слепой силы природы, пока он не сделает ее орудием своего совокупного разума и единой совокупной воли. Искание смысла есть искание цели, дела — единого общего дела». С. 187.

...
«Объединение, или соединение живущих для воскрешения умерших, есть общество не по типу организма, а по образу и подобию Пресвятой Троицы; воскрешение же есть полное торжество нравственного закона над физической необходимостью. Отказываясь от воскрешения, от управления слепую силою природы, человек отдает себя во власть последней. И бессознательная история имеет смысл, если воскрешение, не совершаясь сознательно и вольно, будет совершаться бессознательно и невольно, т. е. если род человеческий будет принужден, приведен к тому, чтобы сделать воскрешение своим сознательным, свободным делом. И тогда будет очевидно, что человек есть лишь исполнитель воли высшего разума, воли, очевидно, благой; а что это воля благая, будет понятно, если мы захотим только представить себе радость воскрешающих и воскресающих, в которой заключается и благо, и истина, и прекрасное в их полном единстве и совершенстве». С. 198.

...
«Если жизнь человеческого рода бессознательно есть взаимное истребление, то чем она должна быть сознательно?»

Созерцание для большинства есть лишь временное, исключительное состояние души, непостоянное и для души даже ученого, этого искусственного сословия; мышление же о деле, т. е. проектирование, есть постоянное душевное состояние для большинства, не чуждое и ученому сословию. Большею или меньшею общностью дела определяется достоинство мысли; самое общее, общее для всех зло, или, точнее, злодеяние, есть смерть, а потому самое высшее дело или благо есть воскрешение. Для существа, ничего не желающего знать, кроме самого себя, «сознаю» может значить «существую»; для тех же, которые не выделяют себя от всех других ..., не отделяют и мысли от действия, сознание не может быть отделено от чувства утраты, от сознания смертности, смерти в лице других; и чем теснее связь между людьми, тем более сознание будет признанием не существования, а утраты его, воля же будет тем более стремлением к воскрешению. Вопросы о родстве и смерти находятся в теснейшей связи между собой: пока смерть не коснулась существ, с которыми мы сознаем свое родство, свое единство, до тех пор она не обращает на себя нашего внимания, остается для нас безразличною; а с другой стороны, только смерть, лишая нас существ, нам близких, заставляет нас давать наибольшую оценку родству, и чем глубже сознание утрат, тем сильнее стремление к оживлению; смерть, приводящая к сознанию сиротства, одиночества, к скорби об утраченном, есть наказание за равнодушие... Причины неродственности и смерти одни и те же, т. е. равнодушие, недостаточная любовь, точно так же как одни и те же и средства восстановления родства и оживления, т. е. воскрешение.

В ответ на «познай самого себя» является философия, мышление; в сознании только себя находит философ доказательство своего существования. Погруженный исключительно в себя, уединенный мыслитель, не замечая опустошений, производимых вне его смертью, отрицает смерть, хотя и остается в действительности смертным.

Существо, не отчуждающее себя от близких, живущее одною с ними жизнью, путем утрат приходит к сознанию, а сознание утрат приводит к стремлению, выражающемуся в действии, приводит к оживлению. Из эгоистического *cogito ergo sum* рождается бездушное знание, тогда как из «чувствую утраты», из чувства сиротства, рождается стремление к единению, к оживлению, и знание причин неродственности и смерти. Ученые вне себя ничего себе подобного не находят, а только вещи; неученые же и в самых вещах находят душу. У того, кто не отделяет сознания от воли, мысли от действия, не выделяет и самого себя от других (одной жизнью живет со всеми), сознание будет признанием не своего лишь существования, а станет или сознанием невозможности «кресити»⁷¹ (но это лишь тогда, если связь между людьми слаба, если они связаны только чувством), или же при теснейшем соединении людей, при единстве не только чувства, но и действия, «сознаю» будет значить «воскрешаю», участвую в общем деле воскрешения». С. 204-206.

...
«Человек есть существо, которое погребает» — вот самое глубокое определение человека, которое когда-либо было сделано, и давший его выразил то же самое, что сказало о себе все человечество, только другими словами, назвав себя смертным. Но для первого сына человеческого, видевшего первого умершего, погребение не могло быть ничем иным, как только попыткою воскрешения; и все, что теперь обратилось в обряд лишь погребения, как-то: обмывание, отпевание, или отчитывание, и проч. — все это прежде могло употребляться лишь с целью оживления, с целью привести умершего в чувство, с целью воскрешения». С. 207.

...
«Вопрос, есть ли смерть нечто безусловное или же нет, для позитивистов представляет неразрешимую дилемму. Придав смерти безусловное значение, они признают существование ненавистной им абсолютности, в противном же случае, т. е. если смерть не безусловна, нужно будет признать, что она не выходит из области, доступной нашему ведению и деятельности. Впрочем, учение позитивистов, не признающее в жизни ничего, кроме явлений, не распространяется, по-видимому, на область смерти, иначе (т. е. если бы они были последовательны и в этом случае) им пришлось бы изменить всю систему. Все философии, разноглася во всем, сходятся в одном — все они признают действительность смерти, несомненность ее, даже не признавая, как некоторые из них, ничего действительного в мире. Самые скептические системы, сомневающиеся даже в самом сомнении, преклоняются перед фактом действительности смерти. ... Действительною смерть может быть названа только тогда, когда никакими средствами восстановить жизнь невозможно или когда все средства, какие только существуют в природе, какие только могут быть открыты человеческим родом, были уже употреблены. Не нужно думать, чтобы мы надеялись на открытие какой-либо силы, специально для этого назначенной; мы полагаем, что обращение слепой силы природы в сознательную и есть это средство. Смертность есть индуктивный вывод; она значит, что мы сыны множества умерших отцов; но как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти, так как это было бы отречением от сыновнего долга, от сыновства. Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть. Увеличивающееся количество умерших отцов не уменьшает, а увеличивает сыновний долг. Для нашего притупившегося чувства непонятно, какая аномалия, какая безнравственность заключается в выражении «сыны умерших отцов», т. е. сыны, живущие по смерти отцов, как будто ничего особенного, ничего ужасного не произошло!

⁷¹ Т. е. воскресить (старослав.).

Нравственное противоречие «живущих сынов» и «отцов умерших» может разрешиться только долгом всеобщего воскрешения.

Итак, мы столь же мало знаем сущность смерти, действительную смерть, как и действительную жизнь; но, ограничивая себя знанием только явлений жизни, мы суживаем свою деятельность; не признавая же за собой гордого права решить действительность смерти, мы расширяем нашу деятельность, становимся исполнителями воли Божьей и орудиями Христа в деле всеобщего воскрешения. Легковерное отношение к рассматриваемому явлению мыслящего класса, это философское суеверие, никак не может быть отнесено к числу невинных. Когда дело идет о бессмертии души, мыслящие люди становятся недоверчивыми, требуют строгих доказательств; почему же, когда дело коснется смерти, философы впадают в ребяческое суеверие и легковерие и тем суживают область деятельности? Гниение считается при этом таким признаком, который не допускает уже дальнейших опытов. Приходится, однако, напомнить кому следует, что гниение — не сверхъестественное явление и самое рассеяние частиц не может выступить за пределы конечного пространства; что организм — машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину — и сознание возвратится к ней! Ваши собственные слова обязывают же вас, наконец, к делу. Может быть, впрочем, что воскрешение не должно быть, потому что «умирать — значит отдавать последний долг природе» (это псевдонатурализм), но выражение это, очевидно, неточное: во-первых, смерть есть банкротство, конфискация, а не свободное возвращение долга; во-вторых, признавать долг природе, т. е. подчиняться природе — явное нарушение первых двух заповедей; «умирать и платить налог всем должно» — сколько грубейшего эгоизма в этом выражении американского мещанина Вашингтона; если налог, это служение обществу, приравнивается к смерти, то не значит ли это, что за жизнь признается только существование для узкой, личной выгоды? Такая постановка вопроса о смерти обязывает нас превратить усыпальницы, где царствует пассивное ожидание (не оживет ли мертвец сам?), и самые могилы в предмет исследования и деятельности. Меры же предосторожности, кои должны быть приняты при таких опасных исследованиях, требующих героизма, так же как и исследования небесных пространств, не должны мешать нам исполнять наш долг воскрешения и требования, из него вытекающие; ибо если бы вся забота наша была лишь о том, как бы не заразиться, то пришлось бы всех больных бросить на произвол судьбы, потому что теперь почти доказано (насколько наука вообще в силах доказать что-либо), что всякая болезнь заразительна и пребывание с больным если и полезно для больного, то во всяком случае вредно для здорового. Для родовой общины такая деятельность будет наиболее сообразною с самим ее определением родовой, сыновней. Таким образом, мы совершенно лишены способности, желательной для пессимистов, доказать действительность смерти, т. е. невозможность воскрешения. Смерть есть явление, внешнее для нас, а потому и может быть познаваема лишь индуктивно, тогда как воскрешение есть естественный всей природе нашей ответ на это чуждое нам явление». С. 366-366.

...

«Заметим, что говорить о наступлении того, что должно быть результатом нашей деятельности, неправильно; между тем некоторые натуралисты идут в этом отношении весьма далеко; они предполагают, что природа породит высшее, более совершенное существо, чем человек, признавая, однако, что мышление и деятельность уже совершеннейшие явления в мире. И выходит, что мышление будет производиться не трудом мысли, а рождением!.. Это высшее человека существо, без собственного труда и не зная, как это произошло, получит вместо глаз микроскопы, телескопы, спектроскопы и т. и. Нелепее же всего предполагать, что природа породит или наградит предполагаемое существо более и лучше организованным мозгом; ибо и в настоящее время мозг

совершенствуется не природою, а мышлением, природа же только сохраняет и передает по наследству выработанный трудом мышления мозг. Именно сохранение и передача помимо труда человеческого и составляет несовершенство человека, как и самой природы. Правда, искусственные орудия человека так же несовершенны, как и естественные органы, и потому, конечно, что природа творит без знания, а человек бессилён. То обстоятельство, что прогресс переносится в область бессознательного и слепого, может считаться характеристической чертой времени... Жизнь бодрственная должна взять перевес над сонною, как жизнь деятельная над созерцательною. Созерцания, видения, мысли должны заменяться проектами, или, точнее сказать, участием во Всеобщем проекте». С. 397-398.

...
«Существенною, отличительною чертою человека являются два чувства — чувство смертности и стыд рождения. Можно догадываться, что у человека вся кровь должна была броситься в лицо, когда он узнал о своем начале, и как должен был он побледнеть от ужаса, когда увидел конец в лице себе подобного, единокровного. Если эти два чувства не убили человека мгновенно, то это лишь потому, что он, вероятно, узнавал их постепенно и не мог вдруг оценить весь ужас и низость своего состояния. Педагоги затрудняются отвечать на вопрос весьма естественный, как полагают, вернее же сказать, совершенно праздный, у детей — об их происхождении, начале; а ответ дан в писании — животному подобное рождение будет наказанием. Сознание же, вдумывающееся в процесс рождения, открывает нечто еще более ужасное; смерть, по определению одного мыслителя, есть переход существа (или двух существ, слившихся в плоть едину) в другое посредством рождения. У низших животных это наглядно, очевидно: внутри клеточки появляются зародыши новых клеточек; вырастая, эти последние разрывают материнскую клеточку и выходят на свет. Здесь очевидно, что рождение детей есть вместе с тем смерть матери. Они, конечно, не сознают, что их рождение было причиной смерти родительницы; но придадим им это сознание, что они почувствуют тогда? Сознав себя убийцами, хотя и невольными, куда будет устремлена их деятельность, если они будут обладать волею, способностью действовать, полагая, что воля их не будет злая, что они не будут лишены совести? Несомненно, они не скажут, не испытав всех способов, что убитых ими невозможно воскресить, у них никогда не повернется язык сказать страшное слово «невозможно», что грех неискупим. И во всяком уж случае они не захотят скрыть от себя концов своего греха и не примутся за пир жизни». С. 398-399.

...
«Необходимость положительного целомудрия, не говоря уже о невозможности для отрицательного целомудрия полной победы, явствует из того, что пост в смысле полного отрицания питания есть самоубийство индивидуума, а всеобщая девственность — самоубийство рода. Если христианское учение не допускает самоубийства, даже когда оно совершается, когда лишают себя жизни посредством подвига, посредством двух великих добродетелей, постом и девственностью, то именно потому, что по Божественному плану искупление должно совершиться чрез человеческий род («Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых»). Посл. 1-е к Коринф., XV, 21); иначе, почему бы не допустить освобождение человечества от плотской жизни чрез подвиг девственности и поста. Такое освобождение произошло бы и не без участия воли, но воли отвлеченной, непосредственной. Эти-то противоречия, заключающиеся в отрицательном целомудрии, делают необходимым положительное целомудрие. Положительное целомудрие должно проявиться не чрез непосредственную только силу воли, а чрез посредство всей силы природы, обращенной в действие разумом, знанием, наукою, словом, полною мудростью. Положительное целомудрие действует не чрез лишение пищи, а посредством земледелия как опыта, обнимающего постепенно и всю землю, и

земли, т. е. и проч. и обращающего весь этот материал на постройку как собственного тела, так и тел своих отцов и предков. Отсюда сама собою определяется сущность того организма, который мы должны себе выработать. Этот организм есть единство знания и действия; питание этого организма есть сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани. Органами этого организма будут те орудия, посредством коих человек будет действовать на условия, от которых зависит жизнь растительная и животная, т. е. земледелие как опыт, чрез который открывается знание земной планеты, сделается органом, принадлежностью этого организма. Органами его сделаются и те способы аэро- и эфиронавтические, с помощью коих он будет перемещаться и добывать себе в пространстве вселенной материалы для построения своего организма. Человек будет тогда носить в себе всю историю открытий, весь ход этого прогресса; в нем будет заключаться и физика, и химия, словом, вся космология, только не в виде мысленного образа, а в виде космического аппарата, дающего ему возможность быть действительным космополитом, т. е. быть последовательно всюду; и человек будет тогда действительно просвещенным существом.

Несмотря на такие, по-видимому, изменения, в сущности человек ничем не будет отличаться от того, что такое он ныне, — он будет тогда больше самим собою, чем теперь; чем в настоящее время человек пассивно, тем же он будет и тогда, но только активно; то, что в нем существует в настоящее время мысленно, или в неопределенных лишь стремлениях, только проективно, то будет тогда в нем действительно, явно, крылья души сделаются тогда телесными крыльями.

Но чтобы окрылиться, одухотвориться, сделаться сознательно действующим, нужно полное воссоздание. Человек есть существо рожденное, а не непосредственно возникшее, он есть изображение и подобие отцовского и материнского организмов со всеми их недостатками и достоинствами. Хотя иногда некоторые из родительских свойств будут проявляться в нем в преувеличенном, а другие в ослабленном виде, но в этом случае он есть как бы интерференция, происходящая от столкновения двух систем воли и производящая или потемнение, ослабление, или же усиление света. Человек, углубляясь в самого себя с целью самопознания, открывает, находит в себе самом предрасположения, склонности — явления, для коих нет основания или причины в его собственной жизни; так что из намерения познать себя выходит познание своих составных частей, сознание того, что было прежде него, отчего он сам, познающий, произошел, что в него перешло, т. е. познание своих родителей.

Душа человека не *tabula rasa*, не лист чистой бумаги, не мягкий воск, из которого можно сделать все что угодно, а два изображения, две биографии, соединенные в один образ. Чем утонченнее будут способы познания, тем больше будет открываться признаков наследственности, тем ярче будут восставать образы родителей; так что полный ответ на древний вопрос, написанный над воротами Дельфийского оракула, — «познай самого себя» — мы будем иметь во всеобщем воскрешении, как это будет видно из дальнейшего; тогда «познай самого себя» не будет значить: знай только себя, от которого и произошел солипсизм. «Познай самого себя» заповедует одному, а не всем, говорит о знании и умалчивает о деле; указывает на самого себя и забывает о всех других». С. 404-406.

...
«Нужно прежде всего признать, что никакими общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя: зло лежит гораздо глубже, зло в самой природе, в ее бессознательности, зло в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерть». С. 307-308.

«Свободными делаются, а не рождаются; знание, как лишь таковое, оставаясь знанием только, может открыть, конечно, одно лишь рабство, а не свободу. Когда все изменения в мире будут определяться разумною волею, когда все условия, от коих зависит человек, сделаются его орудиями, органами, тогда он будет свободен, т. е. проект воскрешения есть и проект освобождения. Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна.

Высшее благо, как и свобода, составляет проект; в настоящее время под свободю разумеется полное подчинение природе и такая же полная независимость друг от друга, от общего дела, от долга, если понимать его в надлежащем смысле, т. е. измена общему союзу, союзу на жизнь и смерть, каким он должен быть. Не видят зла в отчуждении друг от друга и видят даже благо в подчинении слепой силе, считая все это естественным и необходимым. А между тем сама природа не подтверждает, не оправдывает такого взгляда; человек — крепостной земли, праздный пассажир, паразит, захребетник ее и совершает с ней невольные рейсы вокруг солнца, которое тоже не свободно в своих движениях; но в то же время солнце изливает на землю волны силы, из коих растения делают запасы, на счет же этих запасов образуются движущиеся существа, и существа не только движущиеся, но и сознающие это движение и силиющиеся отделиться от земли; следовательно, сама природа как бы нарушает крепостное право. В человеке движение получает сознание, соединенное с понятием бесконечности; таким образом, следуя природе, задача человека есть безграничное перемещение. Существо, одаренное движением, если оно исследует отдаленные миры, то, конечно, как цели движения, пространства же между ними — как пути к ним». С. 429.

...

«...Еще Гоголь говорил, что заездили добродетельного человека; в настоящее же время можно сказать, что заездили вообще человека, и пора бы заменить это теперь ничего не выражающее слово другим, и именно словом смертный, вернее, сын человеческий, или сын умерших отцов, которое указывает на характернейшее свойство человека; и, кроме того, со словом человек соединяли понятие о чем-то гордом, тогда как со словом смертный такого понятия соединить нельзя, и оно напоминало бы задачу человека — достижение бессмертия. Точно так же и мир назван природою по одному лишь своему свойству — рождению; но он имеет и другое свойство — смерть, по которому его можно было бы с таким же правом назвать словом, произведенным не от рождения, а от смерти. Называя мир природою, хотели замаскировать другую сторону мира; но иначе и поступить было нельзя, пока не существовало общего дела, состоящего не в освобождении только от смерти, но в восстановлении всего угасшего, в воскрешении.

Слово смертный никогда не изъездится, если будет общее дело, если человечество войдет в это дело; слово смертный делается даже бессмертным, когда человек достигнет бессмертия, оно останется бессмертным памятником того, что человек был когда-то смертным; воспоминание о том, что человек был смертным и сделался бессмертным, составит его вечную славу». С. 434-435.

...

«Внехрамовая действительность, или природа, есть извращение образа Божия, во-первых, как извращение сосуществования лиц (бессмертия) в последовательность, т. е. в смену поколений, в вытеснение младшими старших, или в поглощение последующими предыдущих; иначе сказать, это есть смерть или переход одних существ в другие посредством рождения; извращенная природа под видом брака и рождения скрывает смерть. Общество гражданское, принимая сторону или партию живущих, ставя исключительной целью благо одного поколения, отрекается от отцов, признает действительность смерти. Такое общество и есть подобие слепой природы, храм же есть восстановление прошедших поколений, хотя и художественное только, т. е.

воспитательное; храм выводит из себя объединенное общество на внехрамовую деятельность.

Во-вторых, природа, как совокупность миров, представляет извращение образа Божия, потому что в этой совокупности нет разумного единства. Если не отделять человека от природы (мнение, отделяющее человека от природы, недавнее и не всеобщее, оно есть порождение города), то вина этого извращения может лежать только на существах, сознающих в себе разум. Отсутствие разумной деятельности в природе выражается в том, что движение отдельных миров, их отдаление и сближение (падение) не регулируется разумно-нравственной волею, точно так же как не регулируются ею и процессы световые и другие, происходящие при этих движениях, и потому миры эти, находясь в настоящее время на разных стадиях угасания, подвержены гибели. Во всем этом разумного действия признать, конечно, нельзя, а нужно признать неисполнение разумными существами Божественной воли. Если и в целой совокупности миров жизнь может уничтожиться, как это полагают, то от этого вина разумных существ не уменьшается. В-третьих, извращение образа Божия в природе выражается и в том, что единство отдельных миров со всеми другими мирами даже не сознается и что миры эти недоступны всем нашим чувствам, т. е. нам недоступны другие миры, а наш мир недоступен обитателям иных миров, если бы таковые где-либо и были, и это вследствие отсутствия регуляции и потому, что разумные существа не обладают полнотою органов, т. е. таким знанием метаморфозы вещества, которое давало бы им всемирность, последовательное вездесущие.

А между тем только такие полнооργανные существа и могут составить глубочайшее, нераздельное соединение равных лиц; соединение же особей-органов не может быть обществом понимающих друг друга лиц, а может быть лишь соединением ненавидящих друг друга существ, если только они сохранили в себе свойства лица, сохранили в себе задатки или остатки души, т. е. не сделались еще исключительно орудиями; и те, которые играют роль ума в этом обществе-организме, не могут быть довольны орудиями-лицами, если эти последние не вполне утратили личные свойства. Если же эти лица-орудия сделались исключительно орудиями, потеряли всякие свойства лица, совершенно перестали быть лицами, то общество, составленное из таких лиц-орудий, перестает быть обществом, оно обращается в действительный организм, который обречен на одиночество; и тот, кто совершит такое превращение общества в свой организм, докажет этим, что он предпочитает одиночество общению.

Таким образом, ничего нет противоположнее одно другому, как общество и организм. Хотя наши общества, несомненно, есть некоторое подобие организму, но и они настолько подобны организму, насколько держатся насилием и выгодами; насколько же в этих обществах заключается действительно нравственного, душевного, настолько они и в настоящее время не подобны организму. Если мы не принимаем Единого Бога в Трех лицах, то это именно потому, что других связей, кроме насилия и выгод, не признаем.

Отсутствие регуляции, недостаток способности полнооργανности, или способности создавать себе всякого рода органы, т. е. совершеннейший организм, и производит вместо сосуществования личностей их последовательность или эфемерность, смертность. При сосуществовании, при полнооργανности личности бессмертны, а последовательность является свободным действием личностей, переменою форм, путешествием, так сказать, при коем меняются органы, как экипажи, одежды (т. е. время не будет иметь влияния на личности, оно будет их действием, деятельностью); единство же личностей будет проявляться в согласном их действии на весь мир, в регуляции и бесконечном творчестве.

Не пользуется ли земля печальным преимуществом только понять во всей силе, а не искоренить зло, и не потому ли оно достигло на земле высшей степени?! Земля — это уединенный остров, уединенный потому, что сознание не раскрыло и не установило

разумной связи между ним и тем миром, от которого он произошел и которого он составляет обломок или больших относительно размеров пузырек с отвердевшею оболочкою, о внутреннем содержании и состоянии которого разумные обитатели этого мира точно не знают, но чувствуют, что внутренняя сила в землетрясениях, извержениях стремится как бы прорвать эту оболочку и, следовательно, требует регуляции, точно так же требуют регуляции и воздушные слои, токи, которые, воспринимая силы солнца, проявляются в ураганах, ливнях, грозах. Ответственный же житель этого мира хотя и хорошо знает непрочность своего жилища, хотя и наказывается разными невзгодами, бедствиями, недостатками, но о регуляции теллуrometeorической не заботится, а остается в полном подчинении среде.

Человек не приобрел себе полноты органов (недостаток необходимых органов мог служить для развития мысли, для самоуглубления, но не для того, чтобы всегда оставаться при одной мысли; недостаток органов мог быть полезен только временно) даже относительно земли, и потому органический мир, который должен бы быть органами человека, превратился в особое самостоятельное царство; органический мир — это органы, превратившиеся в особые существа, увековечиваемые в этом ненормальном состоянии рождением; это органы или способы, средства, коими существа чувствующие, сознающие смертность могли бы воссоздать из разрушенного животного вещества (а также строить непосредственно из неорганического вещества) свои организмы, скоплять запасы солнечной силы, и они-то, эти органы, превратились в особые существа, составляющие самостоятельное царство. Странное явление членов, живущих самостоятельно, даже получивших способность увековечивать свое царство, создавая себе подобных! Человек берет дань с этого царства, без коего и жить, понятно, не может, но не владеет им; человек только грабит некоторые области этого царства, а с другими борется как с равными, вместо того чтобы вносить в это Царство свет сознания». С. 437-440.

...
«Извращение мира в природу в четырех вышеисчисленных свойствах (1-е — последовательность вместо сосуществования, 2-е — распадение или отсутствие регуляции, 3-е — личности, обратившиеся в орудия, и органы, обратившиеся в особи, и 4-е — общество по типу организма вместо общества полноорганических существ), извращение в слепую силу (все равно, дошел ли мир до настоящего его состояния путем извращения или же он таким был изначально) есть во всяком случае не бесконечное явление, ибо кроме слепой силы существует и разумная, хотя бы и на одной только земле, и между человеком и природою нет противоположности, разъединение же их временно, а потому устранение этого извращения, восстановление жертв этого извращения — задача человека, смертного, сына умерших отцов». С. 441.

...
Муравьев В. Н. Всеобщая производительная математика⁷²

...
«В связи с ... основной задачей организации культуры — выработки общего ее идеала и проекта — стоит последующая задача: приложение этого проекта к жизни, реальное его осуществление. Для этого культура, через аппарат соответствующих учреждений, должна внедряться в жизнь, завоевать все отрасли человеческой деятельности.

⁷² Муравьев В. Н. Всеобщая производительная математика // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А.Г. Гачевой, С. Г. Семеновы. — СПб.: РХГА, 2008. Впервые опубликовано: Вселенское Дело. Вып. 2. Рига, 1934.

Общий проект должен специальными своими сторонами охватывать специальные ветви практического действия. Так, для органов, осуществляющих строительство общественных форм и создающих право, общий проект должен давать картину того общества, которое эти органы призваны создать. Для органов, сохраняющих или улучшающих живые существа путем евгеники, необходим проект или образ совершенного человека, являющегося целью этих видов деятельности. Наконец, для органов, преобразовывающих действительность путем созидания материальных ценностей, посредством экономики, производства и труда, общий проект должен давать образцы улучшенных условий жизни и физической обстановки, отвечающей разумному идеалу. Взятые вместе все эти виды деятельности осуществляют преобразование мира как целого, сначала планетарного, а затем космического.

Поскольку же ... наиболее совершенный вид мысли есть мысль, выражаемая в числах, — проект этот со всеми своими подразделениями и частями должен представлять собою систему формул или чисел, дающих каждое ключ к тому или другому процессу, совершаемому действием. Так же как аналитическая геометрия дает нам формулы кривых, механика — формулы движений, прикладные науки, как например оптика или гидравлика, — формулы тех или иных конкретных явлений, наука вообще в своих теоретической и прикладной частях должна давать формулу всякого вообще возможного действия. Тем самым проекты науки превращаются во всеобщую производительную математику, включающую все точные познания человека о мире с точки зрения преобразовательного воздействия на последний.

Это то же, что *mathesis universalis* Лейбница, но в виде системы не символических только, но также действительных чисел. Вместе с тем числа могут быть заменены такими же действительными знаками или именами, знание которых дает власть над природой.

Все эти задачи носят ясно выраженный характер преобразования природы в виде определенного изменения и улучшения того, что создавалось до сих пор стихийной деятельностью ее сил. Некоторые изменения касаются живых существ и самого человека, другие имеют в виду превращение материи, третьи создают новые виды средств сообщения и движения.

Первая группа преобразования приобретает сейчас особую важность. Мы вышли из тех периодов человеческой истории, когда можно было думать только о психическом изменении человека, о развитии в нем тех или иных идей или нравственных склонностей. Рядом с подобной необходимой задачей внутреннего совершенствования человека перед нами ставится проблема более целостного его преобразования и обновления, изменения его как естественного типа. Человек должен стать не только *homo sapiens*, но настоящим властителем природы, *homo creator*’ом. Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом превращении его в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже антропоургии. Уже сейчас мы имеем ряд прикладных наук, которые разрабатывают практический подход к этой проблеме. Прежде всего, сюда относятся медицина и гигиена, уже совершившие переворот в условиях нашего существования путем устранения некоторых болезней и значительного обезврежения других. Медицина идет дальше: в лице хирургии она видоизменяет самое человеческое тело, устраняет зараженные органы, заменяет их другими, искусственным образом дополняет изъяны организма. Вершиной подобных достижений является открытие возможности омоложения, представляющее собою весьма реальный шаг по пути научной борьбы за долговечность. Но рядом с медициной стоит экспериментальная биология, которая идет еще дальше. В различных ее опытах, носящих, правда, пока еще частичный характер, намечаются пути победы над смертью путем оживления органов, воскрешения после анабиоза и т. д. Конечная же цель

биологических исканий есть творчество живой протоплазмы, к чему уже как будто приближаются опыты над коллоидами. В туманной дали за этими успехами рисуется лабораторное творчество настоящей жизни, завершение старых опытов Парацельса в виде живых существ. Это будет настоящая и полная победа над смертью, и естественно, что тогда сама антропотехника будет иметь рядом с собою анастатику, искусство воскрешать утраченную жизнь. Пока же биология и химия не дошли до осуществления этих задач, другая наука ставит уже сейчас практический вопрос совершенствования живых существ и человека путем сознательной культуры наследственных качеств. Евгеника стремится создать новую человеческую породу, вырастить путем организации искусственного подбора тип *homo creator*'а. Правда, наука эта находится пока еще в начальной стадии, но перспективы ее громадны и затрагивают одинаково улучшение индивида, социальных условий, половых и семейных отношений, наконец, реформу морали и жизни». С. 382-384.

...

«Преодоление времени не является только теоретическим допущением, вытекающим из современных физических и математических теорий. Победа над временем и овладение им возможны на практике в результате сознательной деятельности людей. Можно пойти далее и утверждать, что уже сейчас в ряде областей мы имеем частичную реальную власть над временем и постоянно ее осуществляем, несмотря на то что мы не сознаем такого значения наших действий. В самом деле, если вдуматься, мы поймем, что мы имеем такой пример овладения временем в каждом свободно и сознательно произведенном человеческом опыте. Каждый день, и в ограниченных областях, мы изменяем время и осуществляем его обращение. Это происходит, например, в каждом научном опыте. Когда я из двух газов делаю воду и затем обратно ее разлагаю и затем снова создаю, повторяя этот процесс по желанию, я составляю или разлагаю каждый раз комбинацию элементов данного множества. Другими словами, я повторяю последовательность явления, или уничтожаю и воскрешаю воду. Спрашивается, однако, можно ли говорить здесь о воскрешении воды? Это уже не совсем та, но другая вода, ибо кругом все изменилось и сама вода незаметно изменилась. Но это не уменьшает значения процесса воскрешения. Конечно, с точки зрения движения земли или даже моей жизни тут нет полного воскрешения, ибо новая капля воды имеет в каждый данный миг новые связи с новым окружающим. Можно поэтому, исходя из Гераклита, считать, что второй раз полученная — это уже не та же самая вода. Но, если отказаться от столь широкой точки зрения и искусственно ограничить опыт определенной областью отношений, — умышленно отвлекаясь от всех связей с окружающим, — в этой ограниченной области получается полное овладение временем и воскрешение определенных событий. Ограничение это проявляется для нас в данном случае в том, что вода для нас важна только в смысле соответствия формуле H_2O , как известная комбинация данных химических элементов. Для этого вовсе не требуется, чтобы это была бы та же вода, то есть вода, состоящая из тех же самых атомов, что и старая. Когда я говорю «вода воскресает», я имею в виду только получение известного количества H_2O , хотя бы из совершенно иных атомов. Понятие индивидуальности ограничивается исключительно соответствием формуле или числу и ничего другого, кроме такого числа или показателя своеобразной комбинации, ни в каком индивиде нельзя найти.

Таким образом, всякое сознательно и целесообразно произведенное изменение природы, созидующее или воссоздающее реальность, согласно данной формуле, есть не что иное, как овладение временем.

В общем, такие опыты показывают нам частичную победу над временем, овладение им в ограниченной области и совершение частичного воскрешения. Такую же победу над временем, но в более сложном комплексе отношений, представляют опыты омоложения. Но в таком случае можно считать, что преодоление времени или его

обращение допустимо, что его возможность доказана и зависит от нашей сознательной воли, поскольку не препятствуют последней окружающие условия. Ведь чтобы доказать, что время вообще обратимо, я вовсе не должен доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать возможность повторения хотя бы небольшой его части, чтобы сказать, что принципиальная возможность воскрешения имеется. Раз же такое распоряжение временем возможно в ограниченной сфере, оно и по существу возможно, и вопрос сводится к расширению пределов этой сферы, т. е. к масштабу действия. Если представить себе опыт, в котором мы, вместо двух определенных частей газа, орудуем большим числом элементов, для них мы можем также овладеть временем. Представим себе такое действие в еще большем, космическом масштабе, и мы получим картину овладения всем временем. Это приводит к колоссальным последствиям. Обнаруживается, что сознательное проективное действие способно не только видоизменять ту или другую вещь в той или другой области, но что вообще изменение мира доступно такому действию. Мы можем побеждать всякое время и мы стоим на пути к такому завоеванию в каждом сознательно производимом опыте»⁷³. С. 387-388.

...

Муравьев В.Н. Мысли и афоризмы⁷⁴

2. Когда в протяженном мире для человека закрылись все пути, он должен найти царственную дорогу в своем внутреннем существе. И, о чудо! Лишь он начнет глядеть в свою собственную глубину — она начнет раскрываться ему как волшебный сад, скрытый дотоле за потайными дверями. Тогда не нужны будут ему более «Сезам» и лампа Аладина. Двери приотворились и на ищущего падает оттуда, где дотоле был один мрак неизвестности, сноп лучей, окрашивающих темную жизнь в золотые и яркие цвета. И чем больше он в себя углубляется, чем яростнее в свое одиночество уходит, тем более открывается дверь, тем шире расстилается перед ним сияющая даль необъятных горизонтов. Пока, наконец, он весь не будет охвачен ощущением безграничного простора, не увидит себя как центр космических излучений. Тогда он поймет, что эти открывшиеся ему бесконечности — его собственные бездны и глубины, все в нем родившееся или жизнью в него привнесенное. И вместе с тем это уже не он, это все другие существа, все другие вещи. Это вселенная. Он остался собой, но стал вместилищем мира.

34. Все есть вечный акт воскрешения. Идея воскрешения полнее идеи творчества, включает его. Воскрешение требует внутренней связи прошлого с будущим через настоящее. Воскресение имеет степени — чем больше мы воскресаем, тем больше мы живем. Но можно умереть в одном и воскреснуть в другом. В этом тайна «еще не умрете — не воскреснете». Смерть таким образом связана с воскресением.

...

36. Нужно преодолеть не время, а тленность — результат пожирающей силы времени. Она всегда есть следствие розни. С другой стороны, всякое воскрешение всегда имеет своей основой восстановление соборности. Здесь имеются налицо два момента: 1) изоляция данных элементов от внешних, разделяющих, нейтрализующих сил; вроде, например, тяготения, привлекающего к одному месту, и 2) соборный акт соединения двух предметов. Но надо помнить, что силы разделяют в одном случае, — только потому, что они соединяют в другой связи, по другому закону или в другом ряду. Тяготение соединяет

⁷³ Там же. С. 387-388.

⁷⁴ Печатаются по: Муравьев В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. - М., 1998. С. 280-305.

все тела, но вместе с тем отъединяет их друг от друга, ибо его закон есть закон масс. Задача соборности, следовательно, заключается в том, чтобы найти такой всеобъемлющий закон, который создал бы соединение без разделения.

38. Сознательное существо есть существо, овладевающее временем.

...
59. Смерть — уход из времени. Если мы освободимся от времени, мы тем самым уйдем от смерти.

...
86. Исследуя свое маленькое «я» и вживаясь в него, я постигаю, что оно способно на бесконечное расширение, превращающее его на какой-то ступени в Большое Я. Но путь этого расширения не умственный, он заключается в действии. Это вечное создание нового, небывалого, дотоль неведомого. Это неисчерпаемое творчество, выводящее из себя бесчисленную множественность творений. Имя этому творчеству, этой вечно возникающей и воскресающей множественности — Бог. Отношения между мною и Богом суть отношения между моим Малым и Большим Я. Большое Я вместе с тем ощущается мной как бесконечный поток творчества всего мира, меня несущий. Отсюда необходимость общения с другими существами, составляющими вместе со мной этот поток, или соборности. Соборность является необходимым условием перехода от Малого к Большому Я. Через воссоединение с другими существами (я постигаю законы этого воссоединения путем внутреннего углубления или узнаю их в виде платоновского воспоминания) я восхожу, расширяясь, к Богу. Я почерпаю в этом общении возможность участия во всех мировых процессах овладения таким путем будущим. Так, уходя в себя, в глубины моего Большого Я, я получаю силу и средства для воздействия на все вещи, представляющиеся мне внешними. (На самом деле, это те же вещи, которые я познал внутри себя.)

87. От себя к миру, от мира к себе — вот процессы, объединенные в понятии грандиозной раскачки, необходимой для приведения вселенной в движение. Маятник отходит в одну сторону, чтобы лучше захватить другую. Мое могущество пропорционально моим корням, моей внутренней укорененности. Последняя же есть моя внедренность в мир, степень моего участия в жизни вселенной.

88. Время есть другое название для жизни.

...
101. Нужно, чтобы в душе каждого человека расширился и расцвел его собственный зеленый остров. Затем эти острова должны распространить свои пределы на все, что этого человека окружает. Наконец, должны слиться в одно острова отдельных людей и затем всего человечества и всех живых существ. Тогда образуется на месте темных глубин современного бушующего хаоса единый весенний луг, испещренный благоухающими цветами, прорастающий целебными травами, окаймленный деревьями — вершинами человеческой мысли и творчества. Это будет новый Эдем пророчеств, новое небо и новая земля Апокалипсиса, Преображенное царство, искомое путниками и паломниками человечества.

115. Всякое имя стремится стать личностью, и всякая личность стремится получить имя — в этом внутренний смысл всякого превращения, роста и эволюции. Имя есть самый совершенный вид личности. Личность есть имя, сознавшее себя таковым. Становясь личностью, имя реально и объективно заживает собственной жизнью, создает из себя свою причинность, становится уже не просто «этим», а «я». Личность есть живое имя. Я могу назвать половину стола именем, сам стол именем, но живое существо есть уже имя, ставшее личностью. Можно возразить, но ведь имя дается извне, другими существами? Как связать это с внутренней принадлежностью его данной вещи? Имя имеет двоякую природу: оно не только указывает на особенность вещи, оно вместе с тем связывает ее со

всеми другими вещами; это заложено уже в том, что имя выражает совокупность всех свойств вещи. В каждом имени сосредоточен весь мир. Ни одно имя нельзя иначе, как искусственно, или в отвлечении, отделить от всех других имен, ибо только наряду с ними и в сопоставлении с ними оно обнаруживает и провозглашает свою особность. Эта связь раскрывается в том, что рождение имени есть всегда двухстороннее действие, в котором участвует, с одной стороны, именуемый предмет, выращивающий свои свойства и отделяясь от окружающих вещей, с другой же стороны, участвует совокупность этих вещей, определяющая совместно данную личность. При этом в зависимости от большей или меньшей степени личностности имени оно больше себя создает или, наоборот, больше создается окружением.

120. Лучшее, говорят, есть враг хорошего. Это правильное изречение, но в смысле обратном, противоположном, чем обычно ему придается. Лучшее не хуже хорошего, но в самом деле лучше его. Хорошее есть понятие пассивное, статическое, не устремляющееся никуда, но коснеющее в своей самоудовлетворенности, своего достигнутого уровня. Лучшее же указывает всегда на превзойденную степень и вместе с тем на движение, на неудовлетворенность, на искание и требование превосходного.

...
122. Вечность неотделима от творчества, и Воскресение — от процессов, в которых проявляется всегда в старом новое. Коли нет старого, то нет вечности, ибо ничто не длится. Но если нет нового, то также нет вечного. Вечность требует нового. Неизменной вечности не может быть, ибо она равнялась бы ничто — косность и неподвижность не могут длиться, ибо длительность есть сочетание постоянства и изменения. Только там, где возникает разнообразие и, следовательно, новое, есть содержание длящегося.

...
139. В основе всего представляется действие, не действие отвлеченное, а мое, это действие. Всякое ощущение и всякое рассуждение есть действие. Действие вообще нельзя определить. Оно — все, и само все определяет. Его единственное определение — его внутреннее самоограничение. Можно представить себе действие вообще неопределенное и хаотичное. Оно идет по тысяче различных направлений. Оно измеряется тысячами различных масштабов. Так может быть одновременно действие ума, сердца, действие физическое, соборное. На один и тот же предмет действие может быть направлено по различным путям. Получается иерархия действий и иерархия вещей. Выбор масштаба и мерила зависит от побуждений, рождающих во мне то или иное действие, заставляющих меня искать то употребление предмета или другое. Но, очевидно, для людей наибольшая полнота, где действует не часть только человека, не одна какая-нибудь оторванная его способность вроде ума, тела, того или другого органа, — но всего человека, со всеми его способностями. Это — действие человека. Между ними тогда устанавливается гармония, которой нет в случае, когда действуют отдельные способности. Степень сознательности этой гармонии зависит от степени участия разума.

Но размышление показывает, что только в области соборности, в масштабе человеческих отношений проявляются все способности человека. Всякая работа ума, всякий опыт, всякое движение в отдельности представляются отвлеченными от той соборной обстановки, в которой работает человек. Доктор, исследующий раствор, вместе с тем семьянин, член общества и государства. Весь опыт его обусловлен соборными условиями, давшими ему возможность учиться, найти материалы, приобрести инструменты. Из этого не следует, конечно, что соображение об этих условиях должно каждый раз вноситься в частный опыт. Но все же он весь от них зависит и является как бы частью более цельного соборного действия.

Соборное действие человека превосходит и включает все другие его действия. Полнота действия человека в отношении различных предметов ограничена их свойствами.

Отношение человека к камню иное, чем отношение к животному, к животному иное, чем к человеку. Взаимодействие камня и человека телесное. Взаимодействие человека и животного уже душевное. Взаимодействие людей — духовное и умственное, чем создается соборность. Наука о соборности — социология — предполагает и включает все другие науки.

Итак, данное действие есть все, и все находится в данном действии. Данное действие имеет в себе данное время — настоящее, включающее прошлое и будущее. Действие есть другое название для настоящего. Настоящее может быть только в действии, и действие — только в настоящем. Вместе с тем действие имеет в себе данную соборность. Личность есть данность и не может быть противопоставлена ничему. Она — только она. Но содержание ее всегда соборное. Личность есть данная соборность, или данное соборное действие.

Но тогда личность перестает витать в странном пространстве без правой и левой стороны, вне всяких определенных координат. Личность прикреплена своим соборным содержанием. От нее простираются вглубь времен величественные корни, и корни эти поддерживают ее, собирают для нее жизненные соки.

...
141. Мы не задумываемся над странным характером чувства любви, над тем, что оно будто не соответствует ничему другому в нашей действительности и, наоборот, противоречит многому, побуждая нас к парадоксальным и нелогическим поступкам. Оно не признает наши земные пределы и запреты, оно не может быть измерено нашими масштабами, оно проявляет необычайную для наших маленьких критериев мощь. Если вдуматься во все это, то нам станет ясно, что любовь есть в нашем темном, отсталом и непросветленном мире частица мира преображенного, пронизанного неведомыми нам лучами, рожденными в совершенстве и вечности.

150. В основе апокалиптического чаяния лежит одна простая, но чрезвычайно важная истина: спасение отдельной личности связано со спасением всего мира. Мысль эта облеклась в различные религиозно-апокалиптические представления, в поэтические образы, составляла предмет философских размышлений.

...
154. Уйти в себя, углубиться в открывающиеся там просторы более совершенного бытия... Но туда надо уйти не в одиночестве, но увлечь за собой весь мир внешний, всю человеческую культуру, всех людей и все существа вселенной. Надо открыть им эти двери и войти туда вместе с ними. Вот подвиг, который ожидается от нас, в то время как раньше было достаточно личного созерцания, личного блаженства и покоя в удалении от жизни мира. Теперь нужно спасать не свою душу только, но весь этот погибающий и утопающий в грязи и повседневности мир.

155. Когда дойдешь ты до своих корней, окажется, что они общи тебе со всеми живыми существами и даже с бедными неподвижными вещами. В себе найдешь ты разгадку прошлого и будущего, услышишь «дольней лозы прозябанье и гад морских подземный ход». Сириус блеснет в твоей глубине, и неведомые Млечные Системы окажутся частицами твоего расширенного «я».

157. О личности можно говорить только в аспекте вечности, т.е. поскольку она причастна к целому. О целом можно говорить только поскольку оно временно, т.е. распадается на личности.

158. С точки зрения личности реально и необходимо только одно завоевание ею вечности без потери того, что делает ее особой личностью. С точки зрения целого, вселенной реально и необходимо только воплощение ее во временных формах, в личностях, без потери единства, создающего целое мира. В каждом из нас соединены, сталкиваются и согласуются эти два противоположных, но гармонично связанных

устремления, ибо наша задача — осознать себя как личность-вселенная и вселенная личность.

159. Вечность является нормальным законом всего существующего. В физике закон сохранения энергии указывает, что потеря энергии происходит от трения, т.е. от затраты ее на преодоление других вещей. Не будь этого сопротивления, этой розни вещей — работа продолжалась бы вечно. Таким образом, преходящность, недолговечность связаны с раздором, и преодоление его согласием должно восстановить вечность.

160. Наше настоящее каждого мгновения есть кусочек вечности, поскольку оно является результатом частичной соборности. Поскольку же эта соборность неполна и остается состояние раздора — вечность ограничена. В случае усиления раздора — она заменяется смертью. Исследуя прошлое, мы измеряем эту соборность, определяя ее как хорошее, полезное, разумное, благоприятное, так и эту рознь, называемую нами вредным, губительным, неблагоприятным. Соотношения же этих элементов дают нам долговечность этого настоящего. Очевидно, изменение этого соотношения может ускорить смерть или, наоборот, отдалить ее, или же, в идеальном случае, вовсе ее преодолеть. Для этого нужно прибегнуть к объединению или соборованию всех существ и вещей, создающих это настоящее. Если все они будут действовать согласованно и разумно, розни не будет более и существование данного мига продлится до бесконечности. Апокалиптический взгляд дает максимум познания прошлой розни и соборности и максимальную цель в отношении соборности будущей.

...
167. Современные люди постоянно ссылаются на закон всеобщей причинности, как будто в самом деле факт ее существования что-либо может до конца объяснить. На самом деле причинность сама нуждается в объяснении. Чем больше мы размышляем о ней, тем удивительнее она нам представляется. Ибо если бы все вещи были в самом деле разъединены, как это нам кажется, не было бы никакого их взаимодействия и никакой причинной связи явлений. Каждая вещь существовала бы сама по себе и действовала бы по собственному закону, и даже вещи, имеющие одно и то же происхождение, были бы на самом деле разъединены и не имели бы общения. Единственное возможное объяснение взаимовлияния и причинности — в том, что все вещи, несмотря на свою видимую разделенность, представляют собой проявления одного действующего через них существа. Не в смысле одинаковой субстанции, из которой они сделаны, но целого, которое полностью присутствует в каждой из них. И тогда окажется, что общение субстанций подчиняется не закону воздействия их друг на друга извне, что непонятно, но гениально провиденному Лейбницем закону предустановленного их родства и гармонии.

...
177. Если не будет действия, а одна только разумность, получится очень ясное, может быть, представление должного, но на самом деле на практике останется слепое подчинение потоку необходимости и принудительного времени.

Если, с другой стороны, будет одно только действие, без разумности, оно опять-таки не будет иметь особого отделяющегося от природы субъекта и сольется с слепым течением последней.

Следовательно, для преодоления времени и для утверждения своего творчества живое существо должно проявлять и разумность, и действие.

178. Проявлять активность и бороться против неразумных велений природы не значит необходимо лезть на рожон и колотиться головой о стену, которая преграждает нам дорогу. Стоики учили весьма мудро, что надо различать в каждом отдельном случае то, что мы можем сделать, и то, что нам не по силам. И делать надо, конечно, только то, что нам доступно. Совершив же максимальное усилие и выполнив все, что мы могли, можно принять как неизбежное воздействие на нас превосходной силы. Но такое принятие

должно быть условным, а отнюдь не принципиальным. Признавая, что сейчас я слаб и не могу разбить стены, я вместе с тем должен быть убежден, что я могу преобразиться и тем самым умножить свои силы. Следовательно, если я сталкиваюсь с непреодолимым препятствием, это должно быть основанием не для моей пассивности и пребывания в состоянии покоя, а, наоборот, для возможно интенсивной работы над собой с целью освобождения спящих моих сил. Увеличение же своей силы зависит не только от внутренних процессов живого существа, но главным образом от объединения его усилий с усилиями других существ в общем деле совместного наступления на встретившееся препятствие. Если представить себе, что мы действуем в согласии со всеми существами мира, очевидно, некому будет оказывать нам сопротивление и мы станем всемогущими.

180. Содержание настоящего и будущего есть всегда одно только прошлое. Проект будущего меняет настоящее, накапливая новое прошлое. Новое есть всегда только видоизменение прошлого, новая комбинация его элементов. Таким образом, всегда во всяком действии происходит воскрешение. Вопрос только в степени его сознательности, а следовательно, индивидуализации. И действие слепой природной силы, поскольку она создает жизнь, создает воскрешение, но хаотическое, случайное, с неясно разграниченным разделением воскрешаемых личностей.

...
176. Один из укоренившихся предрассудков — это убеждение в необратимости времени. На самом деле время не только обратимо в принципе, но мы постоянно сами его обращаем, совершая те или иные целесообразные превращения окружающего и воскрешая по нашей воле бывшие ее состояния. Каждый разумный акт есть пример такого акта, ибо он может быть по желанию повторен.

...
230. Сознание человеческого могущества имеет хорошие стороны и дурные. Надо остановиться где-то между Прометеем и Люцифером. Вернее, надо создать новый тип деятеля, непредусмотренного даже глубокомысленными образами мифологии: это Титан, покоряющий мир, но осуществляющий в нем не свои прихоти, но устанавливающий закон добра и разума.

241. В своем творчестве человек встречает объективный предел, ограничивающий его мощь. Он не может достигнуть совершенства посредством скачка, выносящего его из пространства и времени. Такое выхождение, когда оно совершается мистиками или философами-идеалистами, есть преобразование только мысленное. Восхождение здесь покупается отказом от действия, в результате чего возносится один дух, целостное же наше существо остается в «юдоли зла и скорби». В итоге получается иллюзия. Обеднением, отвлечением, отвержением действия нельзя достигнуть полноты и высшего богатства бытия. Для того, чтобы дойти до последнего, или по крайней мере, чтобы стать на его пороге, необходимо пройти все ступени не одного только познания, но и совершенства. Для этого нет иного пути, как овладение временем путем созидания своего подвластного времени. Для этого надо ввергнуться всем существом в пучину жизни, завоевать ее целостным и всесторонним действием.

242. Правильное действие человека, в такой даже ограниченной области, как область общественная, требует космической идеологии. Для того, чтобы наметить цель социальных движений и дать их оценку, надо стоять вне исторического потока, надо глядеть на него сверху, с высот мировой истины.

248. Непродолжительность жизни живых существ, невечность их зависит от розни, происходящей в их организмах, от недособорованности последних. Если к этой внутренней борьбе прибавить внешние опасности, которым они подвергаются, — мы получим полное подтверждение того, что существа эти подвластны времени и тлену

исключительно вследствие несогласованных отношений их внутренних элементов и всего состава их с окружающими вещами. Но тогда становится очевидным, что если бы удалось победить эту двойную рознь, человек мог бы преобразиться и стать бессмертным. Путь к этому — то внутреннее и внешнее соборование человека, или установление согласия всех составляющих его частиц и совокупности их с внешними факторами.

...

254. Когда мы мыслим будущее, мы все время мыслим понятиями, составленными из элементов прошлого. Но когда мы доходим в нашей мысли до Бога, понятие либо остается пустым (непознаваемое апофатического богословия, свобода у Гегеля и т.п.), или же оно наполняется конкретным содержанием и становится историческим именем. Но лишь это произошло, Бог оказывается уже не в одном будущем, но и в прошлом. Будущее каким-то образом подошло к прошлому и начинает с ним сливаться. Бог есть наше собственное состояние в наибольшем восхождении, в стремлении к наисовершеннейшей цели. Вместе с тем он — наша причина, то, откуда мы исходим, проистекаем. Цель сливается с мотивом. Тем самым время исчезает, ибо время прошлое есть причина, время будущее — проект или цель.

261. Мир идет к своему преображению, в котором, вероятно, будут уничтожены все законы его настоящего существования и связанные с ними протяженность и временность. При этом он не путешествует, двигаясь куда-то вперед по прямой линии (что вытекало бы из движения в пространстве), а воскресает, т.е. рождается вновь, творя все время средства обновления своих собственных истоков. И еще больше: мир не воскресает, а воскрешается, т.е. не переживает навязанный ему извне процесс, а сам добровольно и сознательно его производит через деятельность лучших своих элементов, выделенных для этой роли. На земле — это люди. Абсурд поэтому отрывать человека от его предков, от обезьяноподобных и от первобытных существ. Человек есть их возвышение и преодоление.

265. Всякое суждение имеет характер либо исторический, либо проективный. В первом случае — это утверждение памяти о прошлом или о настоящем (на самом деле настоящее постигается нами также памятью, всегда как прошлое). Отсюда рождается особая логика прошлого и настоящего — логика конкретного, единичных и индивидуальных сущностей — логика имен. Роль сознания здесь в том, чтобы точно различать имена и их сочетания. Во втором случае мы имеем суждения ума о будущем, т.е. о том, что может или что должно быть. Они составляют логику понятий, ибо понятие всегда имеет общую природу и потому охватывает будущее. Можно даже сказать, что понятие имеет своим содержанием только будущее. Если я говорю про смертность вообще исторически, я могу сказать лишь, что все до сих пор жившие люди умерли. Здесь нет еще общего понятия, а есть одно лишь перечисление конкретных случаев. Если же я говорю «все люди смертны», это значит, что я непременно имею в виду будущее.

Собственная роль разума, таким образом, сводится к проективным суждениям. Разум имеет два определенных предела: первый — настоящий момент, с которого начинается мое будущее и будущее мира. Второй — предположение о таком моменте, когда никакого дальнейшего проекта нельзя будет построить, т.е. о моем конце. Это предположение связано вместе с тем с некоторыми общими понятиями, как то: Всеобщая Полнота, Бог, Всё, Бесконечность, Вечность, и эти понятия поэтому являются предельными. До них было действие и после них тоже действие, не нуждающееся в разуме и проектах. Следовательно, есть максимум того, что может быть предположено и это есть предел разума. Это очевидно вместе с тем и предел времени: слияние будущего и прошлого в настоящем. Но, конечно, делая это предположение, мы тем самым не достигаем этого предела, ибо предположение всегда останется таковым, будет делом, но

делом, совершенно не соответствующим внутренней картине, которая его сопровождает и в нем рисуется.

267. Роль разума сводится к тому, чтобы, пока дело человеческое и общемировое еще не завершено, — снабжать его нужными для него проектами. Вернее, единым проектом, потому что все проекты могут быть связаны в единый проект будущего нашего общего действия, имеющего пределами указанный выше предел всех проектов. Другими словами, так же, как каждое совершенное действие является частью совершенного общего действия (охватывающего все вообще прошлое мира) и сравнивается с ним и по нему находит свое место, — также каждый проект возможного, предположенного, желаемого действия сравнивается с общим проектом всего возможного действия. Это и есть сравнение временного и вечного, постоянное их взаимодействие, обнаруживающееся памятью в сделанном и разумом проектируемое для еще не сделанного. Этот тот необходимый фонд единства, который Кант назвал синтетическим единством апперцепции, причем его ошибка заключалась в том, что он не установил отношения его к времени или, вернее, установил его недостаточно отчетливо. На самом деле, две половины времени — прошлое и будущее, включаются в это единство, составляют его две части или, правильнее, одну часть, совпадают с ним, ибо будущее в конце концов есть лишь иллюзия человека и мира, не воскресивших еще свое прошлое.

268. Не составляют ли все имена, взятые в совокупности, одно Величайшее Имя. Безусловно, все имена как-то слагаются, но их участие в общем Имени различно. Различно их влияние на целое, и различна их длительность, связанная с жизнью их носителей. Они все строили вечность, но они не все одинаково в нее входят. Многие лгали, т.е. выдавали себя не за то, чем они были на самом деле. Последующая их жизнь есть их разоблачение, есть воздаяние каждому должного, есть изобличение их лжи и лишение жизни тех, кто только притязал на нее, но в сущности, ее в себе не нес. Все они как-то жили, но в разной степени и воскреснут именно постольку, поскольку в них была жизнь, с отменением, с отвержением сопровождающего ее обмана и необоснованного и недостойного притязания их в самовозвеличении. Поэтому можно сказать, что все воскресает, если под «все» подразумевать только истинную жизнь. Если же под «все» подразумевать также и ложную жизнь, фантазмагорию, сплетенную из обманов, — тогда не все воскреснет. Вспомним знаменитый ответ Федорова Соловьеву на вопрос последнего: «Воскреснет ли и каннибализм?». Федоров на это возразил с негодованием: «Что за нелепость — это было бы воскресение смерти!». Каннибализм не есть настоящая жизнь, но ее извращение. Жизнь воскреснет, но очищенная и исправленная от подобных искажений. Это относится ко всему большому вопросу о роли зла в истории. Способность строительства будущего есть не что иное, как наша способность выбирать в прошлом, т.е. воскрешать его не целиком, с его обманами и ошибками, но без них. К этому сводится, в конце концов, исключительно различие между прошлым и настоящим. Из материала, где смешаны ценные достижения и вредные примеси, мы должны выбрать посредством нашей разумной воли только нужное и ценное. Жизнь наша будет продолжаться, доколе мы не освободим и не воскресим все ценное, доколе мы не научимся творить без обмана.

(Надо оговорить, что разум для нас тесно связан с целостным действием, неразрывной частью которого он всегда является. Разум, оторванный от этого целостного акта, — разум отъединенный, рационалистический есть дурной и ложный разум.)

269. Если верить в истинную свободу, не может быть речи ни об оптимизме, ни о пессимизме, ибо оба эти взгляда исходят из предопределенности будущего. На самом же деле будущее условно — оно зависит от наших поступков. Мы можем спастись, но мы можем и погибнуть. Мы можем оказаться недостойными восстановления, неспособными воскреснуть. Это произойдет в том случае, если окажется, что мы в жизни несли обман, если наше имя было лишь видимостью, в действительности же мы представляли собой

расплывчатый агломерат плохо объединенных частиц. Каждая из этих частиц воскреснет, если она несла свое имя, исполняла свое назначение, обогащала по-своему мир, работая для дела общего воскрешения. Но то целое, которое они составляли, было целым иллюзорным, целым лишь видимости. Оно поэтому может и не быть воскрешено. Быть может, не во всех людях имеется бессмертная душа вместе со смертным телом. На самом деле в большинстве случаев, наоборот, тело бессмертно, тело воскреснет в разных формах — душа же смертна, ибо она не проделала подвига, необходимого для ее воскрешения. Итак, нельзя верить в безусловное спасение или безусловную гибель, но надо желать воскресения и прилагать все усилия, чтобы завоевать на него право.

271. Если бы все прошлое было освящено, не было бы никакой нужды в действии, создающем будущее, не было никакого проекта. Греховность мира сказывается именно в неочищенном ее прошлом. Надо покаяться, т.е. осознать примесь смерти к жизни в ее прошлом.

274. Время производится природой. Если человечество овладеет природой, оно овладеет и временем.

275. Будущее есть, поскольку есть разумные существа, которые его хотят. Оно есть только для них. Слепая природа не имеет будущего. В день, когда вся она станет разумной, все время станет будущим, и будущее тем самым сольется с прошедшим в вечном настоящем.

...

281. Воскрешение — сущность жизни, внутренний ее закон. Оно происходит все время, везде, где есть жизнь и рождение. И чтобы жить, надо стремиться все время полнее и глубже воскресать и воскрешать все вокруг себя. Сознание (если иметь в виду под этим названием целостное постижение человеком своих состояний) есть необходимое условие более совершенного Воскресения: сознание дает картину познанного, т.е. прошлого, тем самым вдвигая это прошлое в пределы настоящего мига и делая его мотивом и побудительной силой будущего действия. Здесь также обнаруживается таинственное явление человеческой свободы, выражающееся в том, что прошлое предстает перед нами в двух видах: 1) как познанное, бывшее, прошедшее, необратимое; 2) как проект, как возможное, желательное, как будущее, как возвращение или восстановление прошлого. Будущее всегда слагается из элементов прошлого, но сочетание этих элементов новое, и в этом проявляется наша свобода. Свобода не есть только свобода выбора между данными направлениями, но гораздо больше способность создавать эти направления, утверждать, что так именно должно быть. В чем же корень этой способности? Очевидно, в ней ничего не может сказаться, чего не было в прошлом. Но возможно говорить от меньшего или большего целого, т.е. от части только прошлого или же от всей его совокупности. Свобода есть сосуд, который может воспринимать различное содержание, в зависимости от того, кто в данный момент высказывается посредством человека. Так, например, через него может выражаться веление коллективной воли, идущей из прошлого, — воля Церкви, Нации или иного социального класса или союза. В таком случае личная свобода человека связана соборностью и ограничена подчинением его коллективному переживанию. Так устанавливается необходимая связь глубины воскресения с объемом воскресающего. История всегда связана с соборностью, время — с пространством. Вместе взятые, эти явления создают конкретность бытия, выражающуюся в связанности всех вещей и всех существ.

282. Свобода всегда должна иметь известную задачу. Она должна быть наполнена определенным содержанием — стремлением сочетать с воскресением мирового целого также воскресение отдельных составляющих это целое личностей. Свобода есть страж, на обязанности которого лежит долг блюсти в вечности вселенной вечность живых обитателей этой вселенной.

289. Рассуждения о природе времени, о свершении его, о вечности кажутся метафизичными и лишенными практического смысла. Однако так можно было говорить до последних успехов техники. Сейчас с головокружительной скоростью происходит завоевание человеком пространства, а следовательно, и времени. Мы стоим накануне таких передвижений в пространстве, которые создадут приближение к вездесущности. Для вездесущего нет уже времени.

296. Вся природа стремится воскреснуть и слиться с Богом, обожиться, стать Богом. В человеке она создала себе для этого усовершенствованное орудие. Человек не может быть отделен от своих предков животных и даже растений, и даже камней и газов. Но отличительная его черта заключается в том, что он не только воскресает сам, но воскрешает других и себя и тем участвует в Боге активно. Средствами, направляющими акт воскрешения, являются память, сохраняющая имена прошлого, и разум, проектирующий будущее, т.е. судящий весь процесс с точки зрения выбора наилучшего и желаемого. Суд этот состоит в том, что часть жизненного процесса признается действительной жизнью и определяется как желательный и для будущего, остальное же отбрасывается и отбрасывается как временное, искаженное, смертное. Это равняется открытию множественного и подчинению ему жизни. Быть может, это тот самый процесс, который составляет внутреннюю сущность всякой вообще жизни. Некоторые элементы отбрасываются, другие оказываются постоянными, вечными и во имя их, ими строится весь организм. Какие же элементы принадлежат к тому или другому разряду, решается путем дивного ощущения в себе жизни Бога, т.е. самоутверждением в нас божественного, вечным его воскресением.

...
316. Все сводится в конце концов к задаче создания из разъединенных личностей Единой Высшей Личности. Высшая Личность эта постоянно себя воскрешает, разделяясь на множество своеобразных отдельных личностей, которые потом снова воссоединяются. Вечность заключается в этом непрестанном рождении неисчерпаемых богатств, а не в статическом и косном пребывании чего-то. Бог воскресает посредством роста нашего разума, расширения и углубления нашей любви и объединения наших действий в общем деле. Мы восстанавливаем этим божественное, встающее в нашей памяти и обнаруживающееся в нашем разуме. С точки зрения Бога путь, проходимый нами, есть путь Его собственного творчества и обогащения. Бог вечно обогащается и воссоздается из самого себя. Все это происходит для нас во времени, ибо время есть не что иное, как каждый из этих отдельных процессов. Для Бога же время — вечно. Оно отлично от разорванного на прошлое-настоящее-будущее времени человеческого, поскольку Он всемогущ, а мы ограничены в своих возможностях.

319. Роль культуры в том, чтобы охватить всего человека, обнять его целостную личность и двигать вперед путем самотворчества и взаимотворчества. Но человек — только часть большего целого, и всякое движение совершается по законам этого большего, чем он сам, в смысле пространства, времени и мощи целого. Задача культуры, следовательно, в том, чтобы направить человека по законам этого целого, спаять его с высшим организмом, элементом которого он является. Поэтому всякая культура создает формы религиозного общественного быта, зародыш чего мы находим уже в доисторическом стадном состоянии.

321. Высшая формула есть «Мы воскрешаем каждого из нас». Все другие формулы динамики не включают полноты мировой истины. Если разобрать термины употребляемые в этой формуле, оказывается: начинается сознательная жизнь существ с стадного «мы», с сознания своего участия в общем процессе. Таковы первобытные культуры. Затем наступает пора индивидуализма и обособления личностей от целого. Это приводит либо к уничтожению отдельной личности в ее себялюбивом одиночестве, либо к

уничтожению ее в виде растворения в целом, либо к воскресению в соборности. Идея воскресения вносит сюда понятие времени и действительности. Но воскресение недостаточно, ибо нужна взаимная помощь и любовь — так возникает идея воскрешения. «Каждого из нас» подчеркивает сохранение соборности всех индивидуальностей. Союз без этого превращается в поглощение личностей. Это ведет к уничтожению личности, ибо она, подчиняясь механически, превращается в ничто.

326. Изучая историю, мы должны ощущать в себе то, что происходило в давно прошедшие времена. В этом методе — истинное отношение к прошлому. Мы должны войти в родную историю, как на корабль, который должен везти нас в новые страны. И при этом стремиться не только узнавать историю, но делать ее, управлять по возможности этим кораблем. Почувствовать себя народом и проникнуться его интересами, стремлениями и целями. Затем почувствовать себя человечеством, затем всею природой, наконец, космосом. И не жалко при таком расширении оторваться от маленького личного кругозора. Может быть, в нем, в самых лучших личных чувствах, семейных привязанностях и узах и т.п. есть ценность только, поскольку в ней проявляется высшая связь с высшим целым. Новый человек должен не отречься от всего личного, но возвести свое личное на более широкую и высокую ступень.

335. Основная проблема есть проблема вечности. Ни в чем нет смысла, если в мире нет никакой вечной сущности.

Сетницкий Н. А. О смерти и погребении⁷⁵

«Этот вопрос, о смерти, следует поставить и подойти к нему с достаточной серьезностью и непредвзятостью. Обычно он покрывается густым туманом, в существовании которого оказываются заинтересованы разные силы, и среди них одной из величайших сил оказывается наша косность и неспособность последовательно и прямолинейно думать. Действительно, поразительно, но это — факт: в ряду разнообразнейших явлений, подвергающихся самому вдумчивому и детальному изучению, смерть принадлежит к числу предметов, наименее изученных и исследованных. Факт смерти в современных условиях есть факт наименее научно исследованный, факт, перед которым (не скажем — наука, это было бы неправильно и несправедливо по отношению хотя бы к будущей науке), а ученые, деятели науки, останавливаются или в священном трепете, или в состоянии полной нерешительности, полного неведения с вопросом: «Что же дальше?»

Мы не имеем в виду обычных постановок этого вопроса, в большинстве вульгарно-религиозных. Психологические изыскания и метафизические вопросы о том, что происходит с «душой» в момент смерти и после нее, не могут нас интересовать. Отсутствие ответа на вопрос «что же дальше» относится к телу, и на этот вопрос наша наука не дает сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Ученые, изучающие начатки процессов распада в человеческом и животном организме (болезни — медицина), весьма мало интересуются процессом, распада в целом, тем процессом, в котором обнаруживается окончательная приостановка процесса жизни и полное разложение организма. Процесс смерти как распада и разложения живого существа еще не изучен, и вопрос об его изучении серьезно не поставлен.

Но естественно спросить: зачем же его изучать? Каков смысл такого изучения? Стоит ли тратить на это силы? На этот вопрос нужно дать такой ответ: ведь если знать

⁷⁵ Сетницкий Н. А. О смерти и погребении // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А.Г. Гачевой, С. Г. Семенов. — СПб.: РХГА, 2008. Впервые опубликовано: Вселенское Дело. Вып. 2. Рига, 1934. С. 141-146.

процесс распада, расчленения и разложения чего-либо на составные части, то тогда можно серьезно и основательно поставить вопрос и о сложении, сочленении, соединении частей. Народные сказки, в которых изрубленному в куски герою возвращается жизнь, говорят об обрызгивании, обливании, омывании тела «мертвой водой», которая сращивает куски, восстанавливает целостность тела до того момента, когда можно будет вернуть жизнь при помощи «живой воды». Человек не есть что-либо сверхъестественное и непознаваемое, и если это механизм, то нужно знать условия порчи, ломки и окончательного распада этого механизма, чтобы тем самым знать и уметь восстанавливать его во всей его целостности и особенности, ему присущей.

Но при таком нашем решении возникает туча новых вопросов: а нужно ли это? а возможно ли это? да и зачем это делать?

Первое — нужно ли? На этот вопрос можно ответить — в человеке, особенно современном, есть много черт, свойств и качеств, которые ни ему самому, да и никому вообще, несомненно, не нужны. Возвращать жизнь и вернуть ее вместе с геморроем, раком и тому подобными вещами, конечно, не нужно. Но ведь самая постановка проблемы изучения процесса смерти с тем, чтобы, изучив его, найти пути возвращения жизни, предполагает, что, разрешив труднейшую задачу, мы тем легче, тем обязательней и несомненнее разрешим и задачи более легкие. Научившись восстанавливать и возвращать жизнь, мы тем легче справимся с более легкими задачами жизни, умея воскресить, мы, конечно, будем и уметь лечить рак и т. п. То же самое и моральные свойства и качества — самая возможность реальной постановки дела психо-физиологического возвращения жизни предполагает такие моральные и психические свойства человечества, при которых оно сумеет воздействовать и на моральные и психические свойства и склонности возвращаемых к жизни.

Таким образом, мы можем перейти ко второму вопросу: возможно ли это? Здесь, конечно, кроме общего утверждения, что для науки нет ничего невозможного и если мы сейчас чего-нибудь не можем, то это следует отнести за счет нашей слабости, лености, косности и нерешительности, а отнюдь не за счет невозможности для науки и ее ограниченности, можно и должно привести ряд соображений, показывающих, что такого рода задачу возможно и поставить, и разрешить. Когда мы ближе знакомимся с вопросами о так называемой неизбежности и непобедимости смерти, то прежде всего следует отметить, что мысль об этой неизбежности навязывается нам некоторыми привычными тенденциями, лежащими в основе нашей психики.

Никто, пожалуй, из европейских ученых не думал об этом вопросе глубже и напряженней, чем венский психиатр, психоаналитик и мыслитель, доктор Зигмунд Фрейд. Вот слова, которые сказаны им перед могилой дочери и которые (наряду с другими его высказываниями по этому вопросу) могут считаться итогом многих и вдумчивых размышлений по вопросу необходимости или «об-ходимости» смерти: «Если мы сами должны умереть и до того пережить смерть самых любимых людей, то нам приятнее погибнуть вследствие подчинения неумолимому закону, суровой Судьбе, чем случаю, которого могло и не быть и который может быть избегнут. Но эта вера во внутреннюю закономерность смерти, возможно, тоже есть одна из иллюзий, созданных нами, чтобы выносить тяжесть существования».

Здесь приведено одно из самых верных суждений, и центр тяжести его заключается в утверждении, что убеждение в неизбежности и необходимости смерти есть лишь одна из многих иллюзий, обеспечивающих социально-психическое приспособление к трудностям жизни и нашим слабостям перед высотой и сложностью стоящих перед нами задач. Иначе говоря, «закон», быть может, вовсе не так и «неумолим» («законы» природы в этом отношении мало отличаются от других законов — они «что дышло, куда повернул, туда и вышло»). Все дело заключается в том, что мы почему-то не смеем, не хотим и не

решаемся повернуть его в свою пользу. Практически легче и приятнее иметь дело с «суровой и неумолимой Судьбой», и в наших условиях существования нам ничего не остается, как носиться и обольщать себя этой «иллюзией» — не то было бы слишком стыдно переживать умерших любимых нами людей, для оживления которых мы палец о палец не ударили. Бессознательная солидарность с погибшими не позволяет мысли останавливаться на случайности факта смерти и возможности избежать его, заставляя нас уверять себя в ее мнимой неизбежности и необходимости.

Но не только общее утверждение, согласно которому для науки, объединенного познания, мышления и управления миром нет ничего невозможного, не только обнаружение и доказательство того, что необходимость смерти есть одна из иллюзий, позволяют говорить, что борьба с ней возможна. Она не только возможна, но и ведется уже, хотя и разрозненно и случайно, отдельными вылазками отдельных партизан». С. 392-396.

Чуев С. И. Человек и природа⁷⁶

Человек живет, чтобы не умирать, ибо он создан для бессмертия.

Н. Ф. Федоров

Нет смерти вечной (абсолютной), а уничтожение временной есть наше дело и наша задача.

Н. Ф. Федоров

Жить мы должны не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех.

Н.Ф. Федоров

Все то, что строит человек, недолговечно, как и сам человек, который порой и сам увеличивает свою недолговечность. Все рушится, и в последнее, «культурное» время больше рушится, чем воздвигается. Хорошо, если производится разрушение злого и отрицательного, но чаще всего разрушается еще не достроенное, не проведенное до конца, разоряется против воли человека-творца таким же человеком, как и он сам.

От этого человечество в панике; кругом хаос, кругом царит смерть, которую призывают, вражда из-за места под солнцем или положения на социальной лестнице. Вражду вызывают: зависть, ложь, богатство одних и бедность других.

В этой панике люди не знают что делать: одни взывают к небу — Богу, прося защиты, но Он безмолвствует. Другие наоборот: отрицают все святое, правдивое и человеческое, отказываются от Бога и от самого себя, предаются произволу, злу, сеют кругом смерть, смерть и смерть.

«Что же смотрит Бог? — спрашивают первые. — Почему Он молчит?» — «Бога нет» — утверждают вторые...

Все это происходит потому, что люди не знают цену общего: существа своих взаимоотношений друг к другу и оснований для взаимопомощи и причин борьбы, а вместо этого противостоят друг другу и вооружаются друг против друга. Человек! Кто бы

⁷⁶ Чуев С. И. Человек и природа // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / Сост. А.Г. Гачевой, С. Г. Семенов. — СПб.: РХГА, 2008. С. 361-364. Впервые опубликовано: Вселенское Дело. Вып. 2. Рига, 1934. С. 100-104.

ты ни был: ученый или неученый, богатый или бедный, инженер или шахтер, рабочий, труженик, глубоко верующий христианин или отъявленный атеист — это не имеет никакого значения! Пойми, что один без другого никак не может обойтись!

Ученый должен знать, что он ученый не только для себя, но и для неученого, чтобы и тот стал ученым, а потому должен жить и мыслить о благе не личном, а наоборот — общем.

Неученый должен всецело стремиться стать ученым и помогать ученому, способствовать в расширении круга знаний раскрытием тайн природы.

Богатый должен помнить, что он богат в силу того, что есть бедный; и богатство позволяет ему благоденствовать лишь до тех пор, пока есть терпение у бедного, а потому, чтобы не лишиться богатства, он должен стремиться и бедных сделать богатыми.

Бедный в свою очередь должен также стремиться к обогащению и к улучшению своего положения и брать пример у богатого и доводить себя до его уровня; не будь богатого, не было бы откуда брать примера. Инженер также не будет иметь смысла, если не будет рабочего, и наоборот, рабочий далеко не уйдет своим трудом, не имея помощи инженера.

Каждый глубоко религиозный человек должен помнить, что он религиозен для того, чтобы не потерять духовной связи между людьми не только верующими, но и неверующими и иметь братственное отношение даже к таким, которые совершенно отрицают Божество, для того чтобы и их включить в общую цепь правды, в общее дело для блага человечества. Христос не пришел бы на землю, если бы не было верных, а раз не было бы Христа, не было бы и христиан.

Ведь даже последний безбожник, противник Божества, может отрицать мистического Бога, но духовной связи в общей полезной работе, родственности в людях и их общих идей отрицать не может. Если ему совестно признаться, что есть Бог, то пусть уж из гордости считает себя «богом» (как называет и Ф. М. Достоевский человека) и творит свое доброе, вечное, пусть даже «человекобожеское» дело. Само дело откроет ему, где Истина.

Итак, надо признать, что нет взаимно не связанных людей и всякое нарушение связи есть не что иное, как удар по самому себе. Все мы члены друг другу, и каждый удар по одному, отсечение и извержение одних представляет увечье для других. Нет в теле человечества излишних органов, есть лишь дурно функционирующие, перенапряженные или ослабленные, и только восстановление целостности всего общественного тела может спасти человечество. Из всего этого перечисления — взаимной связи — можно вывести основной жизненный факт, с которым надо всегда считаться и из которого надо исходить при всех обстоятельствах и суждениях: каждый нужен друг другу, как нужен больному целитель и потому каждый из людей должен иметь одну общую цель и вести борьбу за осуществление блага своего и своего ближнего.

А раз есть борьба, то есть и враг, которого надо непременно победить, но врагом в этой борьбе должен явиться не человек, противостоящий, как враг, своему брату — сочлену-человеку, как многие в настоящее время думают (и сообразно с чем действуют).

Врагом в этой борьбе является стихийная природа. В борьбе человека с человеком, правда, можно приобрести себе положение, права, но это лишь только временное продление благополучия победителя. Никакие идеи создания «Нового Государства», ни отдельные идеи определенной группы людей не спасут человечество от разрушения и гибели. В этом нет ничего абсолютного и долговечного, все это только, как говорят: «Пока что, а там видно будет», а это «видно будет» и есть конец — смерть.

Нет! Это все самообман, самого себя и других втягивание в искушение. Общий враг у всего человечества есть один — природа. Природа-враг должна быть центром

внимания всего человечества. Люди должны стоять, как точки окружности, на одинаковом расстоянии от центра внимания и совместно приближаться к нему, чтобы его победить.

Вот против кого надо вооружиться и противопоставить все силы и умы человечества, а не против человека — человеку. А какой страшный бич грозит от взаимной борьбы всему человечеству — о том ярко свидетельствуют сведения о бывшей войне и расчеты потерь в будущей. В прошлой войне были уничтожены миллионы жизней, сейчас речь идет о десятках и сотнях миллионов.

Итак, в борьбе человека с человеком торжествует смерть, разрушение, насилие, а в борьбе с природой достигается согласие, бессмертие, восстановление и освобождение.

Главными вожжами вражеского стана являются: голод, всевозможные болезни и страшные стихийные бедствия, которые несут смерть и гибель человечеству. У природы, как и у человека, есть бесконечное множество всяких тайн и загадок, которые не легко даются человеку. Люди еще в древности, на заре познания истины, говорили: «Все тайное должно быть явным», в настоящее время говорят иначе: «Тайное начинает быть явным». Но и этого не достаточно, надо стремиться, чтобы все тайное стало явным, и тогда только можно будет сказать: «на земле мир и в человеках благоволение».

При постижении всего тайного имеет громадное значение духовная настроенность человечества. Его цель в объединении и организации одного общего дела и одной общей мысли. Мы должны молиться о единомыслии.

Борьба человека с человеком никогда не приносила и не принесет счастья и полноты жизни миру. Она всегда была фактом разделения, распада и гибели людей и обществ. Только борьба до победного конца объединенного человечества с еще не побежденными силами природы способна обеспечить человечеству жизнь, и оно должно во что бы то ни стало покорить природу и научиться «управлять тем кораблем, на котором оно находится» (Н. Ф. Федоров). Познать и покорить природу — это значит достигнуть бессмертия и воскресения для человечества всех веков.

Циолковский К. Э. Космическая философия⁷⁷

1. Мы сомневаемся в повсюду распространенной жизни. Конечно, на планетах нашей системы возможно если не отсутствие жизни, то ее примитивность, слабость, может быть, уродливость и, во всяком случае, отсталость от земной, как находящейся в особенно благоприятных условиях температуры и вещества. Но млечные пути, или спиральные туманности, имеют миллиарды солнц. Группа же их заключает миллионы миллиардов светил. У каждого из них множество планет, и хотя [бы] одна из них имеет планету в благоприятных условиях. Значит, по крайней мере миллион миллиардов планет имеют жизнь и разум не менее совершенные, чем наша планета. Мы ограничились группой спиральных туманностей, то есть доступной нам вселенной. Но ведь она безгранична. Как же в этой безграничности отрицать жизнь?

Какой бы смысл имела вселенная, если бы не была заполнена органическим, разумным, чувствующим миром? Зачем были бы бесконечные пылающие солнца? К чему их энергия? Зачем она пропадает даром? Неужели звезды сияют для украшения неба, для услаждения человека, как думали в Средние века, времена инквизиции и религиозного безумия?

2. Мы склонны думать также, что наиболее высокое развитие жизни принадлежит Земле. Но животные ее и человек сравнительно недавно зародились и пребывают сейчас в периоде развития. Солнце еще просуществует как источник жизни миллиарды лет, и человечеству предстоит в этот невообразимый период идти вперед и

⁷⁷ Печатается по: Циолковский К. Э. Космическая философия. Сборник. - М.: ИДЛи, 2004. С. 457-462.

прогрессировать — в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества. Впереди его ждет нечто блестящее, невообразимое. По истечении тысячи миллионов лет ничего несовершенного, вроде современных растений, животных и человека, на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведет нас разум и его сила.

Но все ли планеты космоса имеют такой же малый возраст, как Земля? Все ли они находятся в периоде развития, в периоде несовершенства? Как знаем из астрономии, возраст солнц самый разнообразный: от только что родившихся разреженных гигантских светил до погасших черных карликов. Старики имеют многие биллионы лет, молодые солнца даже еще не родили своих планет.

Какой же вывод? Выходит, что должны быть и планеты всех возрастов: от пылающих, подобно солнцам, до омертвевших, благодаря угасанию своих солнц. Одни планеты, значит, еще не остыли, другие имеют примитивную жизнь, третьи доросли до развития на них низших животных, четвертые имеют уже разум, подобный человеческому, пятые еще шагнули вперед и т.д. Отсюда видно, что мы должны отречься от мнения, будто наиболее совершенная жизнь принадлежит нашей планете.

Все же мы приходим к выводу не совсем утешительному: во Вселенной несовершенная, неразумная и мучительная жизнь распространена в такой же степени, как и высшая, разумная, могущественная и прекрасная.

3. Но верен ли этот вывод? Нет, он неверен, и мы сейчас это выясним. Мы нашли, что возраст планет самый разнообразный. Из этого следует, что есть планеты, которые по развитию разума и могущества достигли высшей степени и опередили все планеты. Они, пройдя все муки эволюции, зная свое печальное прошлое, свое бывшее несовершенство, захотели другие планеты избавить от мук развития.

Если мы, земные жители, уже мечтаем о межпланетных путешествиях, то чего же достигли в этом отношении планеты, которые на миллиарды лет старше нас! Для них это путешествие так же просто и легко, как для нас проезд по железной дороге из одного города в другой.

На этих передовых зрелых планетах размножение идет в миллионы раз быстрее, чем на Земле. Впрочем, оно регулируется по желанию: нужно совершенное население — его нарождают быстро и в каком угодно числе.

Посещая окружающие их незрелые миры с примитивной животной жизнью, они уничтожают ее по возможности без мучений и заменяют своей совершенной породой. Хорошо ли это, не жестоко ли? Если бы не было их вмешательства, то мучительное самоистребление животных продолжалось бы миллионы лет, как оно и сейчас продолжается на Земле. Их же вмешательство в немногие годы, даже дни, уничтожает все страдания и ставит вместо них разумную, могущественную и счастливую жизнь. Ясно, что последнее в миллионы раз лучше первого.

Что же из этого следует? А то, что в космосе нет несовершенной и страдальческой жизни: ее устраняет разум и могущество передовых планет. Если она и есть, то на немногих планетах. В общей гармонии Вселенной она незаметна, как незаметна пылинка на белоснежном поле.

Но как же понять присутствие страданий на Земле? Почему высшие планеты не ликвидируют нашу несчастную жизнь, не прекратят ее и не заменят своей прекрасной? Есть и другие планеты, подобные Земле. Зачем они страдают? В мире совершенном кроме преобладающего прогресса есть и регресс, попятный ход. Помимо того, цветы жизни так прекрасны, так разнообразны, что лучшие из них нужно вырастить, дожидаясь семян и плодов. Хотя передовые планеты и опередили другие, но ведь это, может быть, объясняется их старым возрастом. Могут быть поздние планеты с лучшими плодами. Необходимо исправлять регресс Вселенной этими ее запоздавшими плодами. Вот почему

оставлено без вмешательства небольшое число планет, обещающих дать необыкновенные результаты. Между ними и Земля. Она страдает, но недаром. Плоды ее должны быть высокими, если ее предоставили самостоятельному развитию и неизбежным мучениям. Опять скажу, что сумма этих страданий незаметна в океане счастья всего космоса.

4. Иные думают: мы имеем годы жизни и дециллионы лет небытия! Не есть ли это, в сущности, не-бытие, так как бытие в массе небытия незаметно и то же, что капля в океане воды?

Но дело в том, что небытие не отмечается временем и ощущением. Поэтому оно как бы не существует, а существует одна жизнь. Кусочек материи подвержен бесчисленному ряду жизней, хотя и разделенных громадными промежутками времени, но сливающимися субъективно в одну непрерывную и, как мы доказали, прекрасную жизнь.

Что же выходит? А то, что общая биологическая жизнь Вселенной не только высока, но и кажется непрерывной. Всякий кусочек материи непрерывно живет этой жизнью, так как промежутки долгого небытия проходят для него незаметно: мертвые не имеют времени и получают его только тогда, когда оживают, то есть принимают высшую органическую форму сознательного животного.

Может быть, скажут: разве доступна органическая жизнь центрам солнц, планет, газовых туманностей и комет? Не обречена ли их материя на вечную смерть, то есть небытие?.. И Земля, и мы, и все люди, и вся органическая современная жизнь Земли были когда-то веществом Солнца. Однако это не помешало нам выбраться оттуда и получить жизнь. Материя непрерывно перемешивается: одни ее части уходят в солнца, а другие выходят из них. Всякой капле вещества, где бы она ни находилась, неизбежно придет очередь жить. Ждать ее придется долго. Но это ожидание и огромное время существуют только для живого и есть их иллюзия. Наша же капля не испытает мучительного ожидания и не заметит миллионов лет.

Опять говорят: я умру, вещество мое рассеется по всему земному шару, как же я могу ожить?

До вашего зарождения вещество ваше тоже было рассеяно, однако это не помешало вам родиться. После каждой смерти получается одно и то же — рассеяние. Но, как мы видим, оно не препятствует оживлению. Конечно, каждое оживление имеет свою форму, не сходную с предыдущими. Мы всегда жили и всегда будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошедшем.

5. Грядущие тысячи и миллионы лет усовершенствуют природу человека и его общественную организацию. Человечество обратится как бы в одно могущественное существо под управлением своего президента. Это самый лучший из всех людей в физическом и умственном отношении. Но если члены общества высоки по своим качествам, то как же высок высший, научно избранный из них!

Так организуются неизбежно населения и других планет. Могущественному населению высшей планеты каждой солнечной системы будут доступны не только планеты этой системы, но и все околосолнечное пространство. Оно эксплуатируется на пользу населения, как и вся солнечная энергия. Ясно, что одна планета есть кроха в солнечной системе. Она не составляет центра. Население рассеивается по всему околосолнечному пространству. Объединению подлежит не только каждая планета, но и вся их совокупность и все эфирное население, живущее вне планет в искусственных жилищах. Итак, после объединения каждой планеты неизбежно настанет объединение каждой солнечной системы.

Могущество их так велико, что они сносятся между собою не только особыми телеграммами, но и лично, непосредственно, как знакомые. Тысячи лет требуется для этого путешествия, но и тысячи лет живут иные жители солнечных систем, ибо миллиарды лет грядущего развития любой планеты дадут населению каждой и

неопределенно долгую жизнь. Катастрофы солнц, их взрывы, повышения и понижения температур заставляют население все предвидеть и все знать о соседних солнцах, чтобы заранее удаляться от угрожающей опасности.

Образуются союз ближайших солнц, союз союзов и т.д. Где предел этим союзам — трудно сказать, так как Вселенная бесконечна.

Мы видим бесчисленное множество президентов разной степени совершенства. А так как этим категориям нет конца, то нет и пределов совершенству личному — индивидуальному...

Циолковский К. Э. Мониизм вселенной⁷⁸

«Чего можно ждать от человечества?»

Трудно себе представить, как идет процесс развития жизни на какой-нибудь планете, не обратившись к Земле. Чего мы можем ожидать от населения земного шара?

Человек сделал великий путь от «мертвой» материи к одноклеточным существам, а отсюда — к своему теперешнему полуживотному состоянию. Остановится ли он на этом пути? Если и остановится, то не сейчас, ибо мы знаем, какими гигантскими шагами прогрессирует в настоящее время наука, техника, обстановка жизни и социальное устройство человечества. Это указывает и на перемены в нем самом. Во всяком случае, эти перемены должны произойти.

Правда, пока сам человек мало изменился. Те же остатки животных страстей, инстинктов, слабость ума, рутинность. В отношении общественного развития он даже уступает муравьям и пчелам. Но, в общем, он опередил животных и, следовательно, сильно прогрессировал.

Ничто сразу не останавливается. Не остановится и человек в своем развитии, тем более что ум давно уже ему подсказывает его нравственное несовершенство, но пока животные наклонности сильнее и ум не может их одолеть.

Можно вскоре ожидать наступления разумного и умеренного общественного устройства на земле, которое будет соответствовать его свойствам и его ограниченности. Наступит объединение, прекратятся вследствие этого войны, так как не с кем будет воевать. Счастливое общественное устройство, подсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невообразимой быстротой и с такой же быстротой улучшать человеческий быт. Это повлечет за собой усиленное размножение. Население возрастет в 1000 раз, отчего человек сделается истинным хозяином Земли. Он будет преобразовывать сушу, изменять состав атмосферы и широко эксплуатировать океаны. Климат будет изменяться по желанию и надобности. Вся земля сделается обитаемой и приносящей великие плоды. Сначала исчезнут вредные животные и растения, потом избавятся и от домашних животных. В конце концов кроме низших существ, растений и человека ничего на земле не останется. Самые растения усовершенствуются и искусственным подбором, и скрещиванием в такой степени, что уже будут утилизировать не 0,2% (1:5000) солнечной энергии, а до 20—30%, то есть в тысячу раз больше, чем теперь. Многочисленное население земли будет усиленно размножаться, но право производить детей будут иметь только лучшие особи.

Все будут иметь жен и счастливо жить с ними, но не все будут иметь детей.

⁷⁸ Циолковский К.Э. Мониизм вселенной // Циолковский К. Э. Космическая философия. Сборник. - М.: ИДЛи, 2004. С. 27-58.

Таким образом, численность людей, дойдя до своего предела, не будет возрастать, но зато качество людей будет непрерывно изменяться к лучшему. Естественный подбор заменится искусственным, причем наука и техника придут ему на помощь.

Так пройдут тысячи лет, и вы тогда население не узнаете. Оно будет настолько же выше теперешнего человека, насколько последний выше какой-нибудь мартышки. Даже исчезнут из характера низшие животные инстинкты, даже унижающие нас половые акты и те заменятся искусственным оплодотворением. Женщины будут родить, но без страданий, как рождают низшие животные. Произведенные ими зародыши будут продолжать развитие в особой обстановке, заменяющей утробу матери.

Будет полный простор для развития как общественных, так и индивидуальных свойств человека, не вредящих людям.

Картину душевного мира будущего человека, его обеспеченности, комфорта, понимания вселенной, спокойной радости и уверенности в безоблачном и нескончаемом счастье трудно себе вообразить. Ничего подобного ни один миллиардер сейчас не может иметь.

Заселение Солнечной системы и Млечного Пути, то есть нашей спиральной туманности

Техника будущего даст возможность одолеть земное тяготение и путешествовать по всей Солнечной системе. Посетят и изучат все ее планеты. Несовершенные миры ликвидируют и заменят собственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Отчасти она будет отдавать свой избыток людей небесным колониям, отчасти переселенные кадры сами будут размножаться. Это размножение будет очень быстрым, так как огромная часть яичек (яйцеклеток) и сперматозоидов пойдет в дело.

Кругом Солнца, поблизости астероидов, будут расти и совершенствоваться миллиарды миллиардов существ. Получатся очень разнообразные породы совершенных: пригодные для жизни в разных атмосферах, при разной тяжести, на разных планетах, пригодные для существования в пустоте или в разреженном газе, живущие пищей и живущие без нее — одними солнечными лучами, существа, переносящие жар, существа, переносящие холод, переносящие резкие и значительные изменения температуры.

Впрочем, будет господствующим наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией.

После заселения нашей Солнечной системы начнут заселяться иные солнечные системы нашего млечного пути. С трудом отделится человек от Земли. Гораздо легче было одолеть солнечное притяжение, ввиду свободы движений в эфире и громадности лучистой энергии всего солнца, которой мог воспользоваться человек. Земля оказывается исходным пунктом расселения в млечном пути совершенных. Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром. Где можно ожидать хороших плодов, там оставят доразвиваться. Тяжкую дорогу прошло население Земли. Страдальческим и длинным был путь. И еще осталось много времени для мучительного развития. Не желателен этот путь. Но земля, расселяясь в своей спиральной туманности (то есть млечном пути), устраняет эту тяжелую дорогу для других и заменяет ее легкой, исключая страдания и не отнимающей миллиарды лет, необходимых для самозарождения.

Заселение вселенной

Что мы имеем право ожидать от нашей планеты, то с таким же правом можем ждать и от других.

На всех планетах с атмосферами в свое время проявились зачатки жизни. Но на некоторых из них, в силу условий, она пышнее и быстрее расцвела, дала существам техническое и умственное могущество и стала источником высшей жизни для других планет вселенной. Они стали центрами распространения совершенной жизни. Эти потоки встречались между собой, не тормозя друг друга, и заселяли млечный путь. У всех была одна цель: заселить вселенную совершенным миром для общей пользы. Какое же может быть несогласие? Они встречали на пути и зачаточные культуры, уродливые, отставшие, и нормально развивающиеся. Где ликвидировали жизнь, а где оставляли ее для развития и собственного обновления. В огромном большинстве случаев они заставляли жизнь отставшую, в форме мягкотелых, червей, одноклеточных или еще более низкой.

Не было никакого смысла дожидаться от нее мучительные миллиарды лет развития и получения сознательных и разумных существ. Гораздо скорее, проще и безболезненнее размножить уже готовые, более совершенные породы. Я думаю, мы на земле не будем дожидаться, когда из волков или бактерий получится человек, а лучше размножим наиболее удачных его представителей.

Так же рассуждали и сеятели высшей жизни. Кое-где уничтожали зачатки примитивной или уродливо развивавшейся жизни, кое-где ждали хороших плодов и обновления жизни космоса.

Так без страданий заселялись и другие млечные пути (группы солнц, или спиральные туманности). То же происходило и во всех эфирных островах, и во всей беспредельной вселенной. Из счастливых, наиболее благоприятствующих пунктов жизнь без мучительного процесса самозарождения распространялась по окрестности соседних солнц и быстро заполняла бесконечные пустыни.

Во вселенной господствовал, господствует и будет господствовать разум и высшие общественные организации. Разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома. Разум есть высший эгоизм.

Миры в младенческом состоянии, как Земля, в космосе составляют редкое исключение. Много ли однодневных людей на земле! Еще меньше только что родившихся. Именно секундного возраста младенцев только один на полтора миллиарда населения земли. Так же мало и миров в младенческом возрасте. Там, во вселенной, их особенно мало ввиду того, что большинство заселений совершается через посредство эмиграций (перемещения). Уже готовое, совершенное подобие человечества заселяло космос.

Какие же выводы? Видим беспредельную вселенную с бесконечным числом дециллионов (10^{60}) совершенных существ, получившихся безболезненным размножением и расселением. Такие очаги жизни, как Земля, составляют чрезвычайно редкое исключение — как младенец, имеющий одну терцию возраста. Мучительная жизнь Земли редкость, потому что она получилась самозарождением, а не заселением. В космосе господствует заселение как процесс более выгодный. Ведь человек разводит морковь и яблоки от готовых организмов. Какое было бы безумие, если бы он захотел получить их самозарождением (автогония)!

Но в космосе самозарождение допускается, хотя и чрезвычайно редко, в силу необходимости обновления или пополнения совершенных. Кое-где они вырождаются и ликвидируются ввиду встречающегося местами регресса. Необходим свежий приток, иначе и совершенная жизнь может погаснуть или вытесниться уродливой.

Роль Земли и подобных немногих планет хотя и страдальческая, но почетная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнять убыль регрессирующих пород космоса.

На долю земного населения выпал тяжелый жребий, высокий подвиг. Немногие планеты его получают. Едва ли одна на биллион. Иначе быть не может. В противном случае это противоречило бы разуму, то есть высшему эгоизму. Не могут же они работать во вред самим себе.

Некоторая доля страданий в космосе есть горькая необходимость ввиду возможности обратного развития существ (регресса, попятного хода).

Но можно сказать, что органическая жизнь вселенной находится в блестящем состоянии. Все живущие счастливы, и это счастье даже трудно человеку понять.

Подавленные намозолившей глаза картиной земных неустройств, вы, быть может, возразите: как же это так, если столько несчастных на земле?

Назовем ли мы снег черным на том основании, что на его поверхности находится несколько микроскопически малых темных пылинок? Ведь снег блестит так, что больно глазам! Боимся ли проиграть, если на триллион выигрышей один билет пустой? Мы даже не боимся в этом году умереть, хотя вероятность смерти составляет не менее 2—3 процентов». С. 40-47.